

Теодор Драйзер

Финансист

Перевод с английского
Марка Волосова

ФТМ

Теодор Драйзер

Финансист

Серия «Трилогия желания
(новый перевод)», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126289

Финансист : роман / Теодор Драйзер: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-4467-1726-2

Аннотация

Американский романист Теодор Драйзер давно занял почетное место среди классиков мировой литературы. Тема большого бизнеса, людей, как преуспевших в нем, так и потерпевших фиаско, привлекала внимание Т. Драйзера еще в те годы, когда он занимался журналистикой. Герой романа «Финансист» – Фрэнк Каупервуд – не только удачливый бизнесмен и владелец огромного состояния. Он обладает особым магнетизмом, сверхъестественной властью как над мужчинами, так и над женщинами. Богатство для него не цель, а средство, позволяющее Каупервуду жить, руководствуясь принципом: «Мои желания прежде всего».

Содержание

Глава I	5
Глава II	14
Глава III	26
Глава IV	44
Глава V	54
Глава VI	62
Глава VII	77
Глава VIII	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Теодор Драйзер

Финансист

© Theodore Dreiser, 1940

© Перевод. М. Волосов. Наследники, 2009

Глава I

Филадельфия, где родился Фрэнк Алджернон Каупервуд, насчитывала тогда более двухсот пятидесяти тысяч жителей. Город этот изобиловал красивыми парками, величественными зданиями и памятниками старины. Многого из того, что знаем мы и что позднее узнал Фрэнк, тогда еще не существовало – телеграфа, телефона, доставки товаров на дом, городской почтовой сети и океанских пароходов. Не было даже почтовых марок и заказных писем. Еще не появилась конка. В черте города курсировали бесчисленные омнибусы, а для дальних путешествий служила медленно развивавшаяся сеть железных дорог, все еще тесно связанная с судоходными каналами.

Фрэнк родился в семье мелкого банковского служащего, но десять лет спустя, когда мальчик начал любознательно и зорко вглядываться в окружающий мир, умер председатель правления банка; все служащие соответственно повысились в должностях, и мистер Генри Уортингтон Каупервуд «унаследовал» место помощника кассира с блистательным, по его тогдашним понятиям, годовым окладом в три с половиной тысячи долларов. Он тотчас же радостно сообщил жене о своем решении перебраться из дома 21 по Батнвуд-стрит в дом 124 по Нью-Маркет-стрит: и район не такой захолустный, и дом – трехэтажный кирпичный особнячок – не шел

ни в какое сравнение с нынешним жилищем Каупервудов. У них имелись все основания полагать, что со временем они переедут в еще более просторное помещение, но пока и это было неплохо. Мистер Каупервуд от души благодарил судьбу.

Генри Уортингтон Каупервуд верил лишь в то, что видел собственными глазами, и был вполне удовлетворен своим положением, — это открывало ему возможность стать банкиром в будущем. В ту пору он был представительным мужчиной — высокий, худощавый, подтянутый, с вдумчивым взглядом и холеными, коротко подстриженными бакенбардами, доходящими почти до мочек ушей. Верхняя губа, странно далеко отстоявшая от длинного и прямого носа, всегда была чисто выбрита, так же как и заостренный подбородок. Густые черные брови оттеняли зеленовато-серые глаза, а короткие прилизанные волосы разделялись аккуратным пробором. Он неизменно носил сюртук — в тогдашних финансовых кругах это считалось «хорошим тоном» — и цилиндр. Ногти держал в безукоризненной чистоте. Впечатление он производил несколько суровое, но суровость его была напускная.

Стремясь выдвинуться в обществе и в финансовом мире, мистер Каупервуд всегда тщательно взвешивал, с кем и о ком он говорит. Он в равной мере остерегался как высказывать резкие или непопулярные в его кругу мнения по социальным или политическим вопросам, так и общаться с людьми, поль-

зовавшимися дурной репутацией. Впрочем, надо заметить, что он и не имел определенных политических убеждений. Он не являлся ни сторонником, ни противником рабовладения, хотя атмосфера тогда была насыщена борьбой между аболиционистами и сторонниками рабства. Каупервуд твердо верил, что на железных дорогах можно нажить большое богатство, был бы только достаточный капитал, да еще одна странная штука – личное обаяние, то есть способность внушать к себе доверие. По его убеждению, Эндрю Джексон был совершенно не прав, выступая против Николааса Бидла¹ и Банка Соединенных Штатов, – эта проблема волновала тогда все умы. Он был крайне обеспокоен потоком «дутых денег», находившихся в обращении и то и дело попадавших в его банк, который, конечно, все же таковые учитывал и с выгодой для себя вновь пускал в оборот, выдавая их жаждущим ссуды клиентам. Третий филадельфийский национальный банк, в котором он служил, помещался в деловом квартале, в ту пору считавшемся цветом всего американского финансового мира; владельцы банка попутно занимались также игрой на бирже. «Банки штатов», крупные и мелкие, возникали тогда на каждом шагу; они бесконтрольно выпускали свои банковские билеты на базе ненадежных и никому не ведомых активов и с невероятной быстротой вылетали в трубу или же приостанавливали платежи. Осведомленность во

¹ Эндрю Джексон – седьмой президент США с 1829 по 1837 год; **Николаас Бидл** – председатель правления Банка США.

всех этих делах была неперменным условием деятельности мистера Каупервуда, отчего он и стал воплощенной осторожностью. К сожалению, ему не хватало двух качеств, необходимых для преуспевания на любом поприще, — личного обаяния и дальновидности. Крупным финансистом он не мог бы сделаться, но ему все же предстояла неплохая карьера.

Миссис Каупервуд была женщина религиозная; маленькая, со светло-каштановыми волосами и ясными карими глазами, она в молодости казалась весьма привлекательной, но с годами стала несколько жеманной и вся ушла в житейские заботы. К своим материнским обязанностям по воспитанию троих сыновей и дочери она относилась очень серьезно. Мальчики, предводительствуемые старшим, Фрэнком, служили для нее источником постоянных тревог, ибо то и дело совершали вылазки в разные концы города, где, чего доброго, водились с дурной компанией, видели и слышали то, что в их возрасте не полагается ни видеть, ни слышать.

Фрэнк Каупервуд в десять лет вел себя как прирожденный вожак. И в начальной, и в средней школе все считали, что на его здравый смысл можно положиться при любых обстоятельствах. Характер у него был независимый, смелый и задорный. Политика и экономика привлекали его с детства. Книгами он не интересовался. С виду это был подтянутый, широкоплечий, ладно скроенный мальчик. Лицо открытое, глаза большие, ясные и серые; широкий лоб и темно-каштановые, остриженные бобриком волосы. Манеры порыви-

стые и самоуверенные. Всех и каждого донимая вопросами, он настаивал на исчерпывающих, разумных ответах. Фрэнк не знал болезней или недомогания, отличался прекрасным аппетитом и полновластно командовал братьями: «Нюка, Джо!», «Живей, поворачивайся, Эд!» Его команда звучала не грубо, но авторитетно, и Джо с Эдом повиновались. Они с детства привыкли смотреть на старшего брата как на главаря, с чьими словами следует считаться.

Он постоянно размышлял, размышлял без устали. Все на свете равно поражало его, ибо он не находил ответа на главный вопрос: что это за штука жизнь и как она устроена? Откуда взялись на свете люди? Каково их назначение? Кто положил всему начало? Мать рассказала ему легенду об Адаме и Еве, но он в нее не поверил.

Каупервуды жили неподалеку от рыбного рынка; по дороге к отцу в банк или во время какой-нибудь вылазки с братьями после школьных уроков Фрэнк любил останавливаться перед витриной, в которой был выставлен аквариум; рыбки с залива Делавэр нередко пополняли его всевозможными диковинками морских глубин. Однажды он видел там морского конька, крохотное животное, немного смахивающее на лошадку, в другой раз – электрического угря, чьи свойства объяснило знаменитое открытие Венямина Франклина. В один прекрасный день в аквариум пустили омара и каракатицу, и Фрэнк стал очевидцем трагедии, которая запомнилась ему на всю жизнь и многое помогла уразуметь. Из разговора

любопытствующих зевак он узнал, что омару не давали никакой пищи, так как его законной добычей считалась каракатица. Омар лежал на золотистом песчаном дне стеклянного садка и, казалось, ничего не видел; невозможно было определить, куда смотрят черные бусинки его глаз, но, надо думать, они не отрывались от каракатицы. Бескровная и восковидная, похожая на кусок сала, она передвигалась толчками, как торпеда, но беспощадные клешни врага каждый раз отрывали новые частицы от ее тела. Омар, словно выброшенный катапультой, кидался к тому месту, где, казалось, дремала каракатица, а та, стремительно отпрянув, укрывалась за чернильным облачком, которое оставляла за собой. Но и этот маневр не всегда был успешен. Кусочки ее тела и хвоста все чаще оставались в клешнях морского чудовища. Юный Каупервуд ежедневно прибегал сюда и, как зачарованный, следил за ходом трагедии.

Однажды утром он стоял перед витриной, чуть не прижавшись носом к стеклу. От каракатицы оставался уже только бесформенный клок; почти пуст был и ее чернильный мешочек. Омар притаился в углу аквариума, видимо изготавившись к боевым действиям.

Мальчик простаивал у окна почти все свободное время, замороженный этой жестокой схваткой. Теперь уже скоро, может быть, через час, а может быть – завтра, каракатицы не станет; омар ее прикончит и сожрет. Фрэнк перевел глаза на зеленую, с медным отливом разрушительную машину в уг-

лу аквариума. Интересно, скоро ли это случится? Пожалуй, еще сегодня. Вечером надо будет снова прибежать сюда.

Вечер настал, и что же? Ожидаемое свершилось. У витрины стояла кучка людей. Омар забился в угол, перед ним лежала перерезанная надвое, почти уже сожранная каракатица.

– Дорвался наконец! – произнес кто-то рядом с мальчиком. – Я тут давно стою: с час назад омар вдруг ринулся и схватил ее. Каракатица изнемогала, у нее больше не хватало проворства. Она метнулась было от него, но омар этого и ждал. Он уже давно предусмотрел малейшее движение своей жертвы и вот сегодня наконец ее прикончил.

Фрэнк смотрел широко раскрытыми глазами. Какая досада, что он упустил этот миг. На секунду в нем шевельнулась жалость к убитой каракатице. Затем он перевел взгляд на победителя.

«Так оно и должно было случиться, – мысленно произнес он. – Каракатице не хватало изворотливости. – Он попытался разобраться в случившемся. – Каракатица не могла убить омара – у нее для этого не было никакого оружия. Омар мог убить каракатицу – он прекрасно вооружен. Каракатице нечем было питаться, перед омаром была добыча – каракатица. К чему это должно было привести? Существовал ли другой исход? Нет, она была обречена», – заключил он, уже подходя к дому.

Этот случай произвел на Фрэнка неизгладимое впечатле-

ние. В общих чертах он давал ответ на загадку, долго мучившую его: как устроена жизнь? Вот так все живое и существует – одно за счет другого. Омары пожирают каракатиц и других тварей. Кто пожирает омаров? Разумеется, человек. Да, конечно, вот она разгадка! «Ну а кто пожирает человека? – тотчас же спросил он себя. – Неужели другие люди? Нет, дикие звери. Да еще индейцы и людоеды. Множество людей гибнет в море и от несчастных случаев». Он не был уверен в том, что и люди живут одни за счет других, но они убивают друг друга, это он знал. Взять хотя бы войны, уличные побоища, погромы. Погром Фрэнк видел однажды собственными глазами. Он возвращался из школы, тогда толпа напала на редакцию газеты «Паблик леджер». Отец объяснил ему, что послужило тому причиной. Страсти разгорелись из-за рабов. Да, да, конечно! Одни люди живут за счет других. Рабы – они ведь тоже люди. Из-за этого-то и царило в те времена такое возбуждение. Одни люди убивали других людей – чернокожих.

Фрэнк вернулся домой, весьма довольный сделанными им выводами.

– Мама! – крикнул он, едва переступив порог. – Наконец-то он ее прикончил!

– Кто? Кого? – в изумлении спросила мать. – Ступай-ка мыть руки!

– Да омар, про которого я вам с папой рассказывал. Прикончил каракатицу.

– Какая жалость! Но что тут интересного? Живее мой руки!

– Ого, такую штуку не часто приходится видеть! Я, например, видел это в первый раз.

Он вышел во двор, где была водопроводная колонка и рядом с нею врытый в землю столик, на котором стояли ведро с водой и блестящий жестяной таз. Фрэнк вымыл лицо и руки.

– Папа, – обратился он к отцу после ужина, – помнишь, я тебе рассказывал про каракатицу?

– Помню.

– Ну, так вот – ее уже нет. Омар ее сожрал.

– Скажи на милость! – равнодушно отозвался отец, продолжая читать газету.

Но Фрэнк еще долгие месяцы размышлял над виденным, над жизнью, с которой он столкнулся, ибо его уже начинал занимать вопрос, кем он будет и как сложится его судьба? Наблюдая за отцом, считавшим деньги, он решил, что привлекательнее всего банковское дело. А Третья улица, где служил его отец, казалась ему самой красивой, самой замечательной улицей в мире.

Глава II

Детство Фрэнка Алджернона Каупервуда протекало среди семейного уюта и благополучия. Батнвуд-стрит, улица, где он проживал до десяти лет, пришлась бы по душе любому мальчику. В основном она была застроена двухэтажными особнячками из красного кирпича с низкими ступеньками из белого мрамора и такими же наличниками на дверях и окнах. Вдоль улицы были густо посажены деревья. Мостовая, выложенная крупным округлым булыжником, после дождя блестела чистотой, а от красных кирпичных тротуаров, всегда чуть-чуть сыроватых, веяло прохладой. Позади каждого домика имелся двор, поросший деревьями и травой. Кое-где даже были разбиты цветники, так как земельные участки здесь тянулись футов на сто в ширину, дома же были выдвинуты близко к мостовой, и за ними оставалось много свободного пространства.

Отец и мать Каупервуды, люди достаточно простодушные и отзывчивые, умели радоваться и веселиться вместе со своими детьми. Поэтому ко времени, когда отец решил перебраться в новый дом на Нью-Маркет-стрит, семья, в которой после рождения Фрэнка каждые два-три года прибавлялось по ребенку, пока детей не стало четверо, представляла собой оживленный маленький мирок. С тех пор как Генри Уортингтон Каупервуд стал занимать более ответственный пост,

его связи непрерывно ширились, и он мало-помалу сделался видной персоной. Он свел знакомство со многими крупнейшими вкладчиками своего банка, а так как по делам службы ему приходилось бывать и в других банкирских домах, то его стали считать своим и в Банке Соединенных Штатов, и у Дрекелей, Эдвардсонов и многих других. Биржевые маклеры знали его как представителя крепкой финансовой организации, и он повсюду слыл человеком если и не блестящего ума, то в высшей степени честным и добропорядочным дельцом.

Юный Каупервуд все больше вникал в детали отцовских занятий. По субботам ему частенько разрешалось приходить в банк, и он с огромным интересом наблюдал, как производятся маклерские операции и как ловко обмениваются всевозможные бумаги. Ему хотелось знать, откуда берутся все эти ценности, для чего клиенты обращаются в банк за учетом векселей, почему банк такой учет производит и что люди делают с полученными деньгами. Отец, довольный, что сын интересуется его делом, охотно давал ему объяснения, так что Фрэнк в очень раннем возрасте – между десятью и пятнадцатью годами – уже составил себе довольно полное представление о финансовой системе Америки, знал, что такое Банк штата и в чем его отличие от Национального, чем занимаются маклеры, что такое акции и почему их курс постоянно колеблется. Он начал уяснять себе значение денег как средства обмена и понял, что всякая стоимость исчисляется в зависи-

мости от основной – стоимости золота. Он был финансистом по самой своей природе и все связанное с этим трудным искусством схватывал так же, как поэт схватывает тончайшие переживания, все оттенки чувств. **Золото** – это средство обмена – страстно его привлекало. Узнав от отца, как оно добывается, мальчик часто во сне видел себя собственником золотоносных копей и, проснувшись, жаждал, чтобы сон обратился в явь. Не меньший интерес возбуждали в нем акции и облигации; он узнал, что бывают акции, не стоящие бумаги, на которой они отпечатаны, и другие, расценивающиеся гораздо выше своего номинала.

– Вот, сынок, погляди, – сказал ему однажды отец, – такие бумажки не часто встречаются в наших краях.

Речь шла об акциях Британской Ост-Индской компании, заложенных за две трети номинала, в обеспечение стотысячного займа. Они принадлежали одному филладельфийскому магнату, нуждавшемуся в наличных деньгах. Юный Каупервуд с живым любопытством разглядывал пачку бумаг.

– По виду не скажешь, что они стоят таких денег, – заметил он.

– Они ценятся вчетверо выше своего номинала, – улыбаясь, отвечал отец.

Фрэнк снова принялся рассматривать бумаги.

– «Британская Ост-Индская компания», – прочитал он вслух. – Десять фунтов. Что-то около пятидесяти долларов.

– Сорок восемь долларов и тридцать пять центов, – дело-

вито поправил его отец. — Мда, будь у нас такая пачка, не было бы надобности трудиться с утра до вечера. Обрати внимание, они почти новехонькие, редко бывают в обороте. В закладе они, видимо, первый раз.

Подержав пачку в руках, юный Каупервуд вернул ее отцу, дивясь огромной разветвленности финансового дела. Что это за Ост-Индская компания? Чем она занимается? Отец объяснил ему.

Дома Фрэнк тоже слышал разговоры о капиталовложениях и о рискованных финансовых операциях. Его заинтересовал рассказ про весьма любопытную личность, некоего Стимберджера, крупного спекулянта из штата Виргиния, который перепродавал мясо и недавно заявился в Филадельфию, привлеченный надеждой на широкий и легкий кредит. Стимберджер, по словам отца, был связан с Николасом Бидлом, Ларднером и другими заправилами Банка Соединенных Штатов и даже очень дружен кое с кем из них. Так или иначе, но он добивался от этого банка почти всего, чего хотел добиться. Он производил крупнейшие закупки скота в Виргинии, Огайо и других штатах и фактически монополизировал мясную торговлю на востоке страны. Это был огромный человек, с лицом, весьма напоминавшим, по словам мистера Каупервуда, свиное рыло; он неизменно ходил в высокой бобровой шапке и длинном, просторном сюртуке, болтавшемся на его могучем теле. Стимберджер умудрился взвинтить цены на мясо до тридцати центов за фунт, чем вызвал

бурю негодования среди мелких торговцев и потребителей и стяжал себе недобрую славу. Являясь в фондовый отдел фиделюфийского банка, он приносил с собой тысяч на сто или на двести краткосрочных обязательств Банка Соединенных Штатов, выпущенных купюрами в тысячу, пять и десять тысяч долларов, сроком на год. Эти обязательства учитывались из расчета на десять-двенадцать процентов ниже номинала, а сам он платил за них Банку Соединенных Штатов векселем на полную сумму сроком на четыре месяца. Следующие ему деньги он получал в фондовом отделе Третьего национального банка альпари² пачками банкнот разных банков, находившихся в Виргинии, Огайо и Западной Пенсильвании, так как именно в этих штатах он главным образом и производил свои расчеты. Третий национальный банк получал от четырех до пяти процентов барыша с основной сделки да еще удерживал учетный процент с западных штатов, что тоже давало немалую прибыль.

В рассказах отца часто упоминался некий Фрэнсис Гранд, знаменитый вашингтонский журналист, игравший немалую роль за кулисами конгресса США, великий мастер выводить всевозможные секреты, особенно касающиеся финансового законодательства. Секретные дела президента и кабинета министров, а также сената и палаты представителей, казалось, были для него открытой книгой. В свое время Гранд, через посредство двух или трех маклерских кон-

² По номиналу.

тор, скупал крупными партиями долговые обязательства и облигации Техаса. Эта республика, борющаяся с Мексикой за свою независимость, выпустила ряд займов на сумму в десять-пятнадцать миллионов долларов. Предполагалось включить Техас в число штатов США, и в связи с этим через конгресс был проведен законопроект об ассигновании пяти миллионов долларов в счет погашения старой задолженности республики. Гранд пронюхал об этом, равно как и о том, что часть долговых обязательств, в силу особых условий их выпуска, будет оплачена полностью, остальные же – со скидкой и что заранее решено инсценировать провал законопроекта на одной сессии, чтобы отпугнуть тех, кто, прослышав о такой комбинации, вздумал бы, в целях наживы, скупать старые обязательства. Гранд поставил об этом в известность Третий национальный банк, а следовательно, об этом узнал и помощник кассира Каупервуд. Он рассказал все жене, а через нее это дошло до Фрэнка; его ясные большие глаза загорелись. Почему, спрашивал он себя, отец не воспользуется случаем и не приобретет облигации Техасской республики лично для себя? Ведь сам же он говорил, что Гранд и еще человека три-четыре нажили на этом тысяч по сто. Надо думать, что он считал это не вполне законным, хотя и противозаконного тут, собственно, ничего не было. Почему бы не использовать эту осведомленность для своей выгоды? Фрэнк решил, что его отец не в меру честен, не в меру осмотрителен, – когда он сам вырастет, сделается биржевиком, банки-

ром и финансистом, то уж, конечно, не упустит такого случая.

Как раз в те дни к Каупервудам приехал родственник, никогда раньше их не посещавший. Сенека Дэвис, брат миссис Каупервуд, белолицый, румяный и голубоглазый здоровяк, ростом в пять футов и девять дюймов, крепкий, круглый, с круглой же головой и блестящей лысиной, обрамленной курчавыми остатками золотисто-рыжих волос. Одевался он весьма элегантно, тщательно соблюдая моду, — жилет в цветочках, длинный серый сюртук и цилиндр (неотъемлемая принадлежность преуспевающего человека). Фрэнк пленился им с первого взгляда. Мистер Дэвис был плантатором и владел большим ранчо на Кубе; он рассказывал мальчику о жизни на острове — о мятежах, засадах, яростных схватках с мачете³ в руках на его собственной плантации и о множестве других интересных вещей. Он привез с собой целую коллекцию индейских диковинок, много денег и несколько невольников. Один из них — Мануэль, высокий и тощий негр — неотлучно находился при нем как бы в качестве его адъютанта и телохранителя. Мистер Дэвис экспортировал со своих плантаций сахар-сырец, который сгружался в Южной гавани Филадельфии. Дядя очаровал Фрэнка своей простодушной жизнерадостностью, казавшейся в этой спокойной и сдержанной семье даже несколько грубоватой и развязной.

Нагрянув в воскресенье под вечер, неожиданно и негаданно,

³ Испанский широкий нож.

дядя поверг всю семью в радостное изумление.

— Да что ж это такое, сестрица! — вскричал он, едва завидев миссис Каупервуд. — Ты ни капельки не потолстела. А я-то думал, когда ты выходила замуж за своего почтенного Генри, что тебя разнесет, как твоего братца. Нет, вы только посмотрите! Клянусь честью, она и пяти фунтов не весит.

И, обхватив Нэнси-Арабеллу за талию, он подкинул ее, к вящему удивлению детей, не привыкших к столь бесцеремонному обращению с их матерью.

Генри Каупервуд был очень доволен и польщен приездом богатого родственника: пятнадцать лет назад, когда он был молодоженом, Сенека Дэвис просто не удостоивал его вниманием.

— Вы только взгляните на этих маленьких горожан, — шутил дядя, — рожицы точно мелом вымазанные. Вот бы им приехать на мое ранчо подзагореть немножко. Восковые куклы, да и только, — с этими словами он ущипнул за щеку пятилетнюю Анну-Аделаиду. — Надо сказать, Генри, вы тут недурно устроились, — продолжал он, критическим взглядом окидывая гостиную ничем не примечательного трехэтажного дома.

Комната эта, размером двадцать футов на двадцать четыре, отделанная панелями под вишневое дерево и обставленная новым гарнитуром в стиле Шератона, выглядела несколько необычно, но, в общем, приятно. Когда Генри Каупервуд стал помощником кассира, он выписал из Европы

фортепиано – большая роскошь по тогдашним понятиям. Комнату украшали и другие редкие вещи: газовая люстра, аквариум с золотыми рыбками, несколько прекрасно отполированных раковин причудливой формы и мраморный купидон с корзиной цветов в руках. Стояло лето, в распахнутые окна заглядывали, радуя взор, деревья, осенявшие своими кронами кирпичные тротуары. Дядя Сенека не торопясь вышел во двор.

– Весьма приятный уголок, – заметил он, стоя под развесистым вязом и оглядывая дворик, частично вымощенный кирпичом и обнесенный кирпичной же оградой, по которой вился дикий виноград. – А где же у вас гамак? Неужели вы летом не вешаете здесь гамака? В Сен-Педро у меня их штук шесть или семь на веранде.

– Мы как-то не подумали о гамаке, ведь кругом соседи. Но это было бы премило, – отвечала миссис Каупервуд. – Завтра же попрошу Генри его купить.

– Я привез с собой несколько штук. Они у меня в сундуке в гостинице. Мои чернокожие на Кубе сами плетут их. Я вам завтра утром пришлю один с Мануэлем.

Он сорвал листик винограда, подергал за ухо Эдварда, пообещал Джозефу, младшему из мальчиков, индейский томагавк и вернулся в дом.

– Вот этот мальчонка мне нравится, – сказал он немного погодя и положил руку на плечо Фрэнка. – Как его полное имя, Генри?

– Фрэнк Алджернон.

– Гм! Надо было назвать его иначе, как зовут меня. В этом мальчугане что-то есть... Приезжай ко мне на Кубу, сынок, я из тебя сделаю плантатора.

– Меня к этому не тянет, – отвечал старший сын Каупервуда.

– По крайней мере сказано откровенно! Что же ты имеешь против моего предложения?

– Ничего. Только я не знаю этого дела.

– А какое ты знаешь?

Мальчик улыбнулся не без хитрецы:

– Я пока еще мало что знаю.

– Ну ладно, а что тебя интересует?

– Деньги.

– Вот оно что! Это, значит, в крови – по стопам папеньки пошел. Что ж, плохого тут нет! И рассуждает-то он, как мужчина. Ну, малый, мы с тобой еще побеседуем. Похоже, Нэнси, что у тебя растет финансист. Он смотрит на вещи как настоящий делец.

Дядя еще внимательнее взглянул на Фрэнка. В этом решительном юнце, несомненно, чувствовалась сила. Его большие и ясные серые глаза выражали ум. Они многое таили в себе и ничего не выдавали.

– Занятный малый! – сказал мистер Дэвис зятю. – Мне нравится его прыть. У вас славные дети.

Мистер Каупервуд только улыбнулся. Этот дядюшка, раз

ему так нравится Фрэнк, может многое для него сделать. Например, оставить ему со временем часть своего состояния. Мистер Дэвис был богат и холост.

Дядя Сенека стал часто бывать у Каупервудов, всегда в сопровождении своего чернокожего телохранителя Мануэля, говорившего, к немалому изумлению детей, по-английски и по-испански. Фрэнк все больше и больше интересовал его.

– Когда мальчик подрастет и решит, кем он хочет быть, я помогу ему встать на ноги, – заметил однажды мистер Дэвис в разговоре с сестрой, и та горячо поблагодарила его.

Дядя беседовал с Фрэнком о его занятиях и обнаружил, что мальчика мало интересуют книги, да и вообще большинство школьных предметов. Грамматика – просто гадость. Литература – ерунда. Латынь – бесполезная трата времени. История – ну, это еще куда ни шло.

– Я люблю счетоводство и математику, – заявил Фрэнк. – А вообще мне бы хотелось покончить с этим и взяться за дело.

– Рановато еще, дружок, – отозвался дядя. – Сколько тебе? Четырнадцать?

– Тринадцать.

– Вот видишь, а раньше шестнадцати нельзя бросить школу. Еще бы лучше проучиться лет до семнадцати-восемнадцати. Это тебе не повредит. Детства ведь потом не вернешь, мой мальчик.

– Я не хочу быть мальчиком. Я хочу работать.

– Не торопись, сынок. Все равно оглянуться не успеешь, и ты уже взрослый. Ты ведь, кажется, метишь в банкиры?

– Да, дядя.

– Ну, что ж, когда, бог даст, время придет, я помогу тебе на первых порах, если ты не передумаешь. Смотри только, веди себя хорошо. На твоём месте я бы поработал год-другой в большой хлебно-комиссионной конторе. Там можно понабраться опыта. Ты узнаешь много такого, что тебе впоследствии пригодится. А пока береги свое здоровье и учись. Когда понадобится, извести меня, где бы я ни находился. Я напишу и узнаю, как ты себя вел.

Он дал мальчику золотую монету в десять долларов, чтобы тот открыл себе счет в банке. Неудивительно, что этот подвижный, уверенный в своих силах и еще не тронутый жизнью юнец расположил мистера Дэвиса ко всей семье Каупервуд.

Глава III

На четырнадцатом году жизни Фрэнк Каупервуд впервые пустился в коммерческую авантюру. Однажды, проходя по Фронт-стрит, улице импортирующих и оптовых фирм, он заметил аукционный флажок над дверью оптово-бакалейного магазина; изнутри слышался голос аукциониста:

– Что мне предложат за партию превосходного яванского кофе? Оптовая рыночная цена на сегодняшний день семь долларов тридцать два цента за мешок. Сколько даете? Сколько даете? Партия идет только целиком. Сколько даете?

– Восемнадцать долларов! – крикнул стоявший у двери лавочник, собственно, лишь для того, чтобы положить начало торгам.

Фрэнк остановился.

– Двадцать два, – произнес другой голос.

– Тридцать, – слышался третий.

– Тридцать пять! – воскликнул четвертый. Цена дошла до семидесяти пяти долларов, что составляло меньше половины настоящей стоимости кофе.

– Семьдесят пять долларов! Семьдесят пять! – выкрикивал аукционист. – Кто больше? Семьдесят пять долларов – раз. Кто даст восемьдесят? Семьдесят пять долларов – два... – Он сделал паузу и драматическим жестом занес руку. Затем резко опустил ее. – Продано мистеру Сайласу Гре-

гори за семьдесят пять долларов. Запишите, Джерри, – обратился он к своему рыжему, веснушчатому помощнику и тут же перешел к продаже другой партии бакалейного товара: одиннадцати бочонков крахмала.

Юный Каупервуд быстро прикинул в уме. Рыночная цена кофе, если верить аукционисту, семь долларов тридцать два цента за мешок; значит, лавочник, купивший его за семьдесят пять долларов, может тут же заработать восемьдесят шесть долларов четыре цента, а продав его в розницу – и того больше. Насколько ему помнится, мать платит двадцать восемь центов за фунт. С учебниками под мышкой Фрэнк протиснулся поближе и стал еще внимательнее следить за процедурой торгов. Бочонок крахмала, как он вскоре услышал, стоил десять долларов, а здесь его продали за шесть. Несколько бочонков уксуса пошли с молотка за треть своей стоимости. Фрэнку очень захотелось принять участие в торгах, но в кармане у него была только мелочь. Аукционист заметил мальчика, стоявшего прямо перед ним, и был поражен серьезностью и упорством, написанными на его лице.

– Предлагаю партию прекрасного кастильского мыла – семь ящиков, не больше и не меньше. Оно, надо вам знать, если вы вообще что-нибудь смыслите в мыле, стоит теперь четырнадцать центов брусок. А за ящик с вас возьмут не меньше одиннадцати долларов семидесяти пяти центов. Сколько даете? Сколько даете? Сколько даете?

Он говорил быстро, с обычными интонациями аукциони-

ста и чрезмерным пафосом, но на юного Каупервуда это не действовало. Он живо подсчитывал в уме. Семь ящиков по одиннадцать семьдесят пять – всего восемьдесят два доллара двадцать пять центов. И если эта партия пойдет за полцены... если она пойдет за полцены...

– Двенадцать долларов! – предложил кто-то.

– Пятнадцать! – повысил цену другой.

Дальше пошли надбавки по одному доллару, так как кастильское мыло не пользовалось широким спросом.

– Двадцать шесть!

– Двадцать семь!

– Двадцать восемь!

– Двадцать девять!

Все молчали.

– Тридцать! – решительно произнес юный Каупервуд.

Аукционист, маленький, худощавый человечек с изможденным лицом и взъерошенными волосами, с любопытством и несколько недоверчиво покосился на Фрэнка, ни на миг, впрочем, не умолкая. Напряженный взгляд мальчика поневоле привлек его внимание, и он как-то сразу, сам не зная почему, преисполнился доверия и решил: деньги у него есть. Возможно, он сын какого-нибудь бакалейщика.

– Тридцать долларов! Тридцать долларов! Тридцать долларов за партию превосходного кастильского мыла! Отличное мыло! В розницу идет по четырнадцать центов кусок. Кто даст тридцать один доллар? Кто даст тридцать один? Кто

даст тридцать один?

– Тридцать один! – раздался голос.

– Тридцать два! – произнес Каупервуд.

Торг возобновился.

– Тридцать два доллара! Тридцать два доллара! Тридцать два доллара! Кто даст за это замечательное мыло тридцать три? Семь ящиков прекрасного кастильского мыла. Кто даст тридцать три?

Мозг юного Каупервуда напряженно работал. Денег у него с собой не было, но его отец служил помощником кассира в Третьем национальном банке, и Фрэнк мог сослаться на него. Все это мыло, без сомнения, удастся продать бакалейщику по соседству с домом, а если не ему, то еще какому-нибудь лавочнику. Нашлись ведь и другие, желавшие приобрести его по такой цене. Так почему бы мыло не купить Фрэнку?

Аукционист сделал паузу.

– Тридцать два доллара – раз! Кто даст тридцать три? Тридцать два доллара – два! Даст кто-нибудь тридцать три? Тридцать два доллара – три! Семь ящиков превосходного мыла! Кто даст больше? Раз, два, три! Кто больше? – Рука его снова поднялась в воздух. – Продано мистеру...

Он слегка перегнулся через стойку, с любопытством заглядывая в лицо юного покупателя.

– Фрэнку Каупервуду, сыну помощника кассира Третьего национального банка, – твердым голосом проговорил маль-

чик.

– Идет! – сказал аукционист, убежденный его уверенным взглядом.

– Вы подождете, пока я сбегаяю в банк за деньгами?

– Хорошо! Только недолго: если вы через час не вернетесь, я снова пушу его в продажу.

Фрэнк уже не ответил. Он выбежал за дверь и прежде всего помчался к знакомому бакалейщику, чья лавка была на расстоянии одного квартала от дома Каупервудов.

Последние тридцать шагов он прошел медленно, потом соорудил беспечную мину и, войдя в лавку, стал глазами искать кастильское мыло. Вот оно – на обычном месте, того же сорта, в таком же ящике, как и «его» мыло.

– Почем у вас кусок такого мыла, мистер Дэлримпл? – осведомился Фрэнк.

– Шестнадцать центов, – с достоинством отвечал лавочник.

– Если я предложу вам семь ящиков точно такого товара за шестьдесят два доллара, вы возьмете?

– Точно такого?

– Да, сэр.

Мистер Дэлримпл мысленно произвел подсчет.

– Да, пожалуй, – осторожно ответил он.

– И вы могли бы сегодня же заплатить мне?

– Я дал бы вексель. А где товар?

Мистер Дэлримпл был несколько озадачен этим неожиданным

данным предложением соседского сына. Он хорошо знал мистера Каупервуда, да и Фрэнка тоже.

– Так вы возьмете мыло, если я вам сегодня его доставлю?

– Возьму, – отвечал лавочник. – Вы что же, мылом занялись?

– Нет, но я знаю, где его можно дешево купить.

Фрэнк торопливо вышел и побежал к отцу. Операции в банке уже прекратились, но мальчик знал там все ходы и выходы и знал также, что мистер Каупервуд будет доволен, если сын заработает тридцать долларов. Ему нужно было только занять денег на один день.

– Что случилось, Фрэнк? – поднимая голову от конторки, спросил мистер Каупервуд, заведя своего раскрасневшегося и запыхавшегося сына.

– Я хочу попросить у тебя взаймы тридцать два доллара, папа.

– Хорошо. А на что они тебе понадобились?

– Я собираюсь купить мыло: семь ящичков кастильского мыла. Я знаю, где его достать, и у меня уже есть на него покупатель. Мистер Дэлримпл берет всю партию. Он предложил мне шестьдесят два доллара. А я покупаю за тридцать два. Если ты дашь мне денег, я мигом слетаю и заплачу аукционисту.

Мистер Каупервуд улыбнулся. Никогда еще его сын не проявлял такой деловитости. Для мальчика тринадцати лет он был на редкость сообразителен и оборотист.

– Итак, Фрэнк, – сказал он, направляясь к ящику, в котором лежало несколько ассигнаций, – ты, видно, уже становишься финансистом. А ты уверен, что не потерпишь убытка? Ты отдаешь себе отчет в своей затее?

– Дай же мне деньги, папа, – с мольбой в голосе проговорил Фрэнк. – А я тебе докажу, на что я способен. Только дай деньги. Можешь мне поверить.

Он походил на молодую охотничью собаку, учуявшую дичь. Отец не мог противиться его настояниям.

– Разумеется, Фрэнк, я верю тебе, – сказал он, отсчитывая шесть пятидолларовых банкнот своего же Третьего национального банка и две по доллару. – Получай!

Пробормотав благодарность, Фрэнк выскочил и со всех ног понесся на аукцион. В момент его прихода с торгов продавался сахар. Фрэнк протискался к столику, за которым сидел клерк.

– Я хочу заплатить за мыло, – сказал он.

– Сейчас?

– Да. Вы мне выпишете квитанцию?

– Можно!

– Товар будет доставлен на дом?

– Нет, у нас без доставки. Вы должны забрать его в течение суток.

Неожиданное затруднение не смутило Фрэнка.

– Хорошо, – сказал он, пряча квитанцию в карман.

Аукционист невольно проводил его глазами. Через полча-

са Фрэнк вернулся в сопровождении ломовика, околачивавшегося со своей телегой в порту и готового подработать чем угодно.

За шестьдесят центов он подрядился отвезти мыло по назначению. Еще через полчаса они уже стояли перед лавкой изумленного мистера Дэлримпла, которого Фрэнк, прежде чем сгружать мыло с телеги, заставил выйти на улицу и взглянуть на ящики. В случае, если сделка не состоится, Фрэнк решил отвезти мыло домой. Несмотря на то что это была его первая спекуляция, он все время сохранял полнейшее присутствие духа.

– Н-да, – проговорил мистер Дэлримпл, задумчиво почесывая седую голову, – н-да, мыло то же самое. Я беру его. Слово надо держать. Где это вы его раздобыли, Фрэнк?

– На распродаже у Биксома, тут недалеко, – откровенно и учтиво отвечал юный Каупервуд.

Мистер Дэлримпл велел отнести мыло в лавку и после некоторых формальностей, осложнявшихся тем, что продавец был несовершеннолетним, выписал вексель сроком на месяц.

Фрэнк поблагодарил и спрятал его в карман. Он решил еще раз пойти к отцу и учесть вексель, как это делали на его глазах другие, чтобы отдать долг и получить свой барыш наличными. Как правило, этих операций не производят после закрытия банка, но отец сделает для него исключение.

Насвистывая, он отправился в путь; отец снова улыбнул-

ся, увидев его.

– Ну, как, Фрэнк, выгорело твое дело? – осведомился мистер Каупервуд.

– Вот вексель сроком на месяц, – сказал мальчик, кладя на стол полученное от Дэлримпла обязательство. – Пожалуйста, учти его с удержанием своих тридцати двух долларов.

Отец внимательно рассматривал вексель.

– Шестьдесят два доллара, – прочитал он. – Мистер Дэлримпл. Все правильно. Да, я его учту. Это обойдется тебе в десять процентов, – пошутил он. – Но почему бы тебе не оставить вексель у себя? Я могу подождать и не буду требовать свои тридцать два доллара до конца месяца.

– Нет, не надо, – возразил Фрэнк, – ты лучше учти его и возьми свои деньги. Мои могут мне понадобиться.

Деловитый вид сына позабавил мастера Каупервуда.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Завтра все будет устроено, а теперь расскажи мне, как тебе это удалось?

И сын ему рассказал. В семь часов вечера эту историю узнала миссис Каупервуд, а несколько позднее и дядя Сенекка.

– Ну, что я вам говорил, Каупервуд? – воскликнул дядюшка. – Этот мальчуган подает надежды. Вы еще и не то увидите!

За обедом миссис Каупервуд с любопытством вглядывалась в сына. Неужели вот этого мальчика она еще так недавно кормила грудью? Как он быстро возмужал!

– Надеюсь, Фрэнк, тебе и впредь будут удаваться такие дела, – сказала она.

– И я надеюсь, мама, – последовал лаконичный ответ.

Правда, торги происходили не каждый день, и не каждый день были возможны сделки с бакалейщиком, но Фрэнк уже с юных лет умел наживать деньги. Он собирал подписку на журнал для юношества, работал агентом по распространению нового типа коньков, а раз даже соблазнил окрестных мальчишек объединиться и закупить себе к лету партию соломенных шляп по оптовой цене. О том, чтобы сколотить капитал бережливостью, Фрэнк и не помышлял. Он чуть не с детства проникся убеждением, что куда приятнее тратить деньги не считая и что этой возможности он так или иначе добьется.

В этом же году, если не раньше, в нем начал пробуждаться интерес к девочкам. Его взгляд неизменно останавливался на самой красивой. А так как он сам был красив и обаятелен, то ему ничего не стоило заинтересовать своей особой понравившуюся ему девочку. Двенадцатилетняя Пейшенс Барлоу, жившая по соседству, была первой, на которую он загляделся, и сама она загляделась на него.

Природа наделила ее блестящими черными глазами и черными волосами, которые она заплетала в две тугих косы. Изящные ножки с тонкими лодыжками легко несли ее прелестную фигурку. Родители девочки были квакеры, и на ее голове всегда красовался скромный маленький чепчик. Ха-

рактер у нее, однако, был очень живой, и этот смелый, самоуверенный, прямой мальчик ей нравился. Однажды, после того как они не раз уже обменялись беглыми взглядами, он остановил ее (девочка шла в ту же сторону) и с улыбкой, смело, как всегда, спросил:

– Вы ведь живете на нашей улице? Правда?

– Да, – отвечала она, слегка волнуясь и раскачивая сумку с книгами, – в доме сто сорок один.

– Я знаю этот дом, – сказал он. – Видел, как вы туда входили. Вы, кажется, учитесь в одной школе с моей сестрой? Ведь вас зовут Пейшенс Барлоу?

Он слышал, как кто-то из его соучеников назвал ее по имени.

– Да, – подтвердила она. – А откуда вы знаете?

– Слышал, – улыбнулся Фрэнк. – Я вас часто вижу. Хотите лакрицы?

Он порылся в кармане и вытащил несколько палочек свежей лакрицы, очень распространенного в те времена лакомства.

Пейшенс ласково поблагодарила и взяла одну.

– Наверно, не очень вкусно. Она уже давно лежит в кармане. На днях у меня были тянучки.

– Нет, вкусно, – отозвалась она, посасывая кончик палочки.

– Вы ведь знаете мою сестру, Анну Каупервуд? – спросил Фрэнк, возвращаясь к начатому разговору и как бы пред-

ставляясь своей соседке. – Она, правда, классом младше вас, но, может быть, вы знакомы?

– Я ее знаю. Мы встречаемся, когда идем из школы.

– Я живу вон там, направо. – Фрэнк указал ей на дом, к которому они подходили, будто девочка и без того не знала, где он живет. – Надеюсь, мы теперь часто будем видеться?

– Вы знакомы с Рут Мерриэм? – спросила она, когда Фрэнк уже собирался свернуть на мощеную дорожку, ведущую к его дому.

– Нет, а почему вы спрашиваете?

– У нее во вторник вечеринка, – как бы вскользь заметила девочка.

– Где она живет?

– В доме двадцать восемь.

– Я был бы не прочь зайти к ней, – признался Фрэнк, сворачивая домой.

– Может быть, она пригласит вас. – Пейшенс становилась все храбрее, по мере того как расстояние между ними увеличивалось. – Я ее попрошу.

– Спасибо, – поблагодарил он с улыбкой.

Она весело побежала дальше.

Фрэнк с сияющим лицом смотрел ей вслед. Она была прелестна. Он ощутил страстное желание поцеловать ее и живо вообразил себе вечеринку у Рут Мерриэм и все, что это ему сулило.

То был еще совсем детский роман, одно из ребяческих

увлечений, которые время от времени охватывали Фрэнка среди вихря житейских событий. С Пейшенс Барлоу он не раз целовался в укромных уголках, прежде чем нашел себе другую. Зимой Пейшенс вместе с соседскими девочками выбегала на улицу поиграть в снежки или же в долгие зимние вечера засиживалась на скамеечке у дверей своего дома. Изловить ее в эти часы и поцеловать было так же легко, как легко было на вечеринках нашептывать ей всякий вздор. На смену ей пришла Дора Фитлер – Фрэнку было тогда шестнадцать лет, ей четырнадцать, – позднее, в семнадцать лет, – пятнадцатилетняя Марджори Стэффорд, белокурая пухленькая девочка с голубовато-серыми глазами, румяная и свежая, как утренняя заря.

В семнадцать Фрэнк решил бросить школу. Он всего три года проучился в старших классах, но уже был сыт ученьем по горло. С тринадцати лет все его помыслы были обращены на финансовое дело в той его форме, какую он наблюдал на Третьей улице. Время от времени он выполнял поручения, дававшие ему возможность кое-что подработать. Дядя Сенека позволил ему помогать весовщику в грузовом порту, где под бдительным надзором правительственных инспекторов складывались в государственные пакгаузы при таможне трехсотфунтовые мешки с сахаром. Иногда, при особо спешной работе, он помогал отцу и получал за это плату. Фрэнк даже сговорился было с мистером Дэлримплом насчет работы у него в субботные дни, но вскоре после того, как ему

стукнуло пятнадцать, его отец стал главным кассиром с годовым окладом в четыре тысячи долларов, и о работе за прилавком, конечно, больше не могло быть и речи.

Как раз в это время в Филадельфию снова приехал дядя Сенека, еще более толстый, еще более властный, и сказал племяннику:

– Вот что, Фрэнк, если хочешь приняться за дело, то я тебе для начала припас хорошее местечко. Первый год ты будешь работать без жалованья, но, если справишься, тебе, вероятно, дадут наградные. Слыхал ты про фирму «Генри Уотермен и К^о» на Второй улице?

– Я знаю, где помещается их контора.

– Так вот они согласны взять тебя счетоводом. Это маклеры, занимающиеся перепродажей зерна и посредническими делами. Ты как-то говорил, что хочешь поработать в этой области. Когда кончится учебный год, сходи к мистеру Уотермену, сошлись на меня, и он, надо думать, тебя возьмет. Сообщи мне потом, как вы договорились.

Дядя Сенека теперь был уже женат – своими деньгами он завоевал сердце одной небогатой, но честолубивой дамы из филадельфийских светских кругов. Благодаря этому браку связи Каупервудов, по общему мнению, должны были очень укрепиться. Генри Каупервуд подумывал о том, чтобы переехать в северную часть города, на Фронт-стрит, откуда открывался великолепный вид на реку и где уже шло строительство красивых особняков. По тем временам – незадолго

до Гражданской войны⁴ – его четырехтысячный вклад был довольно внушительным. Генри Каупервуд, благоразумный и осторожный, никогда не вкладывал свои сбережения даже в мало-мальски рискованные дела и благодаря своей аккуратности, осмотрительности и пунктуальности имел, как полагали его сослуживцы, все основания в будущем рассчитывать на пост вице-директора или даже директора банка, в котором работал.

Предложение дяди Сенеки относительно «Уотермена и К^о» Фрэнк счел для начала вполне подходящим. Посему в июне месяце он отправился на Вторую улицу и был приветливо встречен Генри Уотерменом-старшим. Кроме того, как выяснилось, имелись еще Генри Уотермен-младший, двадцатилетний молодой человек, и некий Джордж Уотермен, пятидесяти лет, брат Уотермена-старшего, доверенное лицо, бывшее в курсе всех сделок. Во главе предприятия стоял Генри Уотермен-старший, пятидесяти пяти лет. Он выезжал по мере надобности к пригородным клиентам; за ним оставалось последнее слово в вопросах, которые брат не мог разрешать самолично, и он же затевал новые сделки, так что его компаньонам и служащим оставалось только проводить их в жизнь. С виду флегматичный, коротконогий, пухлый толстячок, с густой сетью морщинок вокруг выпук-

⁴ Гражданская война в США (1861–1865) – война между промышленными северными и рабовладельческими южными штатами. Закончилась победой Севера благодаря участию широких народных масс, боровшихся за отмену рабства.

лых глаз и красной шеей, мистер Генри Уотермен-старший на деле был проницательным, добродушным, покладистым и остроумным человеком. Благодаря врожденному здравому смыслу и подкупающей благожелательности ему удалось создать прочное и процветающее дело. Но годы уже давали себя знать, и теперь он от души радовался бы сотрудничеству с сыном, если бы таковое не шло в ущерб фирме.

Но об этом нечего было и мечтать. Не столь демократичный, как отец, лишенный его быстрой сообразительности и работоспособности, сын не чувствовал ничего, кроме отвращения, к коммерческой деятельности. Дело, оставленное на его попечение, несомненно, пошло бы прахом. Отец это видел, огорчился и все надеялся, что сыщется какой-нибудь молодой человек, который заинтересуется делом, будет продолжать его на прежних началах и вместе с тем не вытеснит его сына – одним словом, человек, готовый довольствоваться ролью младшего компаньона.

И вот с рекомендациями от Сенеки Дэвиса явился молодой Каупервуд. Мистер Уотермен окинул его критическим взглядом. «Да, – подумал старик, – мальчик подходящий. Из этого мальчика может выйти толк». Он держался непринужденно и в то же время с достоинством, без малейших признаков волнения или стеснительности. По его словам, он умел вести счетные книги, хотя и не разбирался во всех тонкостях хлебно-комиссионного дела. Но эта отрасль интересовала его, и он хотел бы попытаться в ней счастья.

– Этот малый мне нравится, – сказал брату Генри Уотермен, после того как Фрэнк ушел, получив предложение завтра утром приступить к новым обязанностям. – В нем что-то есть! Такой юный, сметливый, живой человек давно уже не переступал нашего порога.

– Да, – согласился Джордж, более худой и высокий, чем брат, с карими, несколько мутными, задумчивыми глазами и жиденькими темными волосиками, еще больше подчеркивавшими белизну плечи на его яйцевидной голове. – Весьма приятный молодой человек. Странно, что отец не берет его к себе в банк.

– Как знать, вероятно, у него нет такой возможности, – возразил брат. – Ведь он там всего-навсего главный кассир.

– Это правда.

– Что ж, испытаем его. По-моему, у него любое дело будет спориться. Многообещающий юноша!

Генри Уотермен встал и направился к парадной двери, выходящей на Вторую улицу. Холодок булыжной мостовой, защищенной от утреннего солнца сплошной стеной зданий (среди них и здание его конторы), стук копыт, грохот подвод, снующая толпа – все это нравилось ему. Он посмотрел через дорогу – трех- и четырехэтажные дома, почти все из серого камня. В них тоже бурлила жизнь, и Генри Уотермен возблагодарил небо за то, что некогда ему пришла в голову мысль основать свое дело на столь бойком месте. Жаль только, что он в свое время не приобрел здесь еще несколько участков.

«Хорошо бы этот молодой Каупервуд оказался подходящим для меня человеком, — мысленно сказал себе старик. — Я был бы избавлен от множества лишних хлопот».

Примечательно, что пятиминутного разговора было достаточно, чтобы убедиться в деловитости этого мальчика. Генри Уотермен почти не сомневался, что надежды его сбываются.

Глава IV

Внешность Фрэнка Каупервуда в те годы была располагающей и приятной. Рослый – пять футов и десять дюймов, – широкоплечий и ладно скроенный, с крупной красивой головой и густыми выющимися темно-каштановыми волосами. В глазах его светилась живая мысль, но взгляд их был непроницаем, по нему ничего нельзя было угадать. Походка у Фрэнка была легкая, уверенная, быстрая. Он не знал ни тяжелых ударов судьбы, ни горечи разочарований. Ему не доводилось страдать ни от болезней, ни от лишений. Правда, он видел вокруг себя людей более богатых, но ведь и он надеялся разбогатеть. Его семья пользовалась уважением, отец занимал хороший пост. Фрэнк никому никогда не был должен. Только однажды он просрочил мелкий вексель, выданный банку, и отец дал ему такой нагоняй, что он запомнил это на всю жизнь.

– Да я бы на четвереньках приполз, но не допустил, чтобы мой вексель опротестовали! – восклицал мистер Каупервуд.

И Фрэнк раз и навсегда понял то, что, собственно, можно было понять и без таких патетических восклицаний, – значение кредита. После этого случая уже ни один выданный им вексель не был опротестован или просрочен по его небрежности.

Фрэнк оказался самым дельным служащим, какого ко-

гда-либо знал торговый дом «Уотермен и К°». Сперва его за-
садили за книги в качестве помощника бухгалтера, на место
недавно уволенного мистера Томаса Трикслера, но уже две
недели спустя Джордж Уотермен сказал:

– Почему бы нам не перевести Каупервуда в бухгалтеры?
Он за одну минуту сообразит больше, чем наш Сэмсон за
всю свою жизнь.

– Хорошо, Джордж, я не возражаю, но ты об этом осо-
бенно не распространяйся. Каупервуд долго бухгалтером не
останется. Посмотрим, не сумеет ли он в скором времени за-
менить меня в некоторых делах.

Бухгалтерия торгового дома «Уотермен и К°», достаточно
сложная, для Фрэнка была детской забавой. Он так легко,
так быстро разобрался в книгах, что его бывший начальник
Сэмсон только диву давался.

– Нет, этот малый слишком прыток, – в первый же день,
взглянув на работу Фрэнка, заявил он другому служащему. –
Он запутается, помяните мое слово. Я эту породу знаю. Вот
подождите, пусть только начнутся горячие денечки с креди-
тованиями и перечислениями.

Вопреки предсказаниям мистера Сэмсона Фрэнк не запу-
тался. Не прошло и недели, как он уже знал состояние фи-
нансов фирмы Уотермен не хуже, если не лучше, самих хозя-
ев. Он знал, кому направлять счета, в каких районах заклю-
чается больше всего сделок, кто поставляет хороший товар
и кто плохой, – о последнем красноречиво свидетельство-

вало колебание цен в течение года. Желая проверить свои предположения, он просмотрел ряд старых счетов в гроссбухе. Бухгалтерией он интересовался лишь в той мере, в какой она регистрировала и отражала жизнь фирмы. Он знал, что долго на этой работе не останется. Там видно будет. Пока же он сразу, до мельчайших подробностей, постиг суть хлебно-комиссионного дела. Он увидел, какие серьезные убытки терпят хозяева – вернее, их клиенты, так как фирма занималась лишь посредничеством, – из-за недостаточно быстрого сбыта товаров, поступающих на консигнацию⁵, а также отсутствия налаженного контакта с поставщиками, покупателями и другими комиссионными фирмами. Клиент, к примеру, отгружал фрукты или овощи, ориентируясь на устойчивые или даже на растущие рыночные цены. Но если это же делали одновременно десять человек или у других посредников получалось затоваривание, то цены немедленно падали. Грузооборот никогда не был стабильным. Фрэнку тотчас же пришло на ум, что, занявшись сбытом крупных партий товара в качестве выездного агента, он принес бы фирме куда больше пользы, но до поры до времени решил этого вопроса не поднимать. Более чем вероятно, что в ближайшем будущем все разрешится само собою.

Оба Уотермена – Генри и Джордж – не могли нахвалиться тем, как Фрэнк вел их отчетность. Самое его присутствие вселяло в них веру, что все идет хорошо. Вскоре Фрэнк

⁵ Продажа товаров через посредника.

обратил внимание «братца Джорджа» на состояние некоторых счетов, рекомендуя сбалансировать одни, другие же совсем закрыть, чем доставил старому джентльмену несказанное удовольствие. Деловитость этого юноши со временем сулила ему облегчение собственных его трудов; в то же время в нем росло чувство личной приязни к Фрэнку.

«Братец Генри» был за то, чтобы испробовать молодого человека на внешних операциях. Поскольку наличные запасы фирмы не всегда могли удовлетворить заказчиков, приходилось обращаться за товаром в другие конторы или же на биржу, и обычно это делал глава фирмы. Однажды утром, когда прибыли накладные, предвещавшие избыток муки и недостаток зерна на рынке – Фрэнк это заметил первым, – старший Уотермен пригласил его к себе в кабинет и сказал:

– Фрэнк, я попросил бы вас подумать, как выйти из создавшегося положения. Завтра у нас образуется завал муки. Мы не можем платить полежалое, а между тем наличные заказы не поглотят всего товара. Зерна же у нас недостаточно. Может быть, вам удастся сбыть лишнюю муку кому-нибудь из маклеров и раздобыть зерна на покрытие заказов?

– Я попытаюсь, – отвечал Каупервуд.

Из своих бухгалтерских книг Фрэнк знал адреса различных комиссионных контор. Знал также, чем располагает местная товарная биржа и что могут предложить те или иные работающие в этой отрасли посредники. Поручение устранить возникший затор пришлось ему по вкусу. Так прият-

но было вновь очутиться на свежем воздухе и ходить из дома в дом. Ему претило сидеть в конторе, скрипеть пером и корпеть над книгами. Много лет спустя Фрэнк сказал: «Моя контора – это моя голова». Сейчас же он поспешил к крупнейшим комиссионерам, разузнавая, как обстоит дело с мукой, и предлагая свои излишки по цене, которую он запросил бы, если бы над фирмой и не нависла угроза затоваривания. Нет ли желающих купить шестьсот бочонков первосортной муки с немедленной (другими словами, в течение двух суток) доставкой? Цена – девять долларов за бочонок. Охотников не находилось. Тогда Фрэнк стал предлагать товар мелкими партиями, и эта затея оказалась успешной. Через какой-нибудь час у него оставалось всего двести бочонков, и он решил предложить их некоему Джендермену, видному дельцу, с которым его фирма не имела торговых отношений. Джендермен, крупный мужчина с курчавой седой шевелюрой, одутловатым лицом, взрытым оспой, и маленькими глазками, хитро поблескивавшими из-под тяжелых век, с любопытством уставился на Фрэнка.

– Как ваша фамилия, молодой человек? – осведомился он, откидываясь на спинку деревянного кресла.

– Каупервуд.

– Так вы, значит, служите у Уотерменов? Наверно, решили отличиться, а потому и пришли ко мне?

Каупервуд в ответ только улыбнулся.

– Ну что ж, я возьму у вас муку. Она мне пригодится. Вы-

писывайте счет.

Каупервуд поспешил откланяться. От Джендермена он напрямик пошел в маклерскую контору на Уолнат-стрит, с которой его фирма вела дела, велел закупить на бирже нужное ему зерно по рыночной цене и вернулся к себе в контору.

— Быстро вы управились, — сказал Генри Уотермен, выслушав его доклад. — И продали двести бочонков старому Джендермену? Очень, очень хорошо. Он как будто и не наш клиент?

— Нет, сэр.

— Ну, если вам удастся проводить такие дела, вы долго не засидитесь на книгах.

В скором времени Фрэнк уже знали и во многих маклерских конторах, и на бирже. Он скупал товарные остатки для своих хозяев, приобретал случайно попадавшиеся партии нужного товара, вербовал левых клиентов, ликвидировал излишки, сбывая их мелкими партиями совсем неожиданным покупателям. Уотермены только дивились, с какой легкостью он все это проделывал. Фрэнк обладал исключительной способностью заставлять благожелательно выслушивать себя, завязывать дружеские отношения, проникать в новые торговые круги. Свежий ключ забил в старом русле торгового дома «Уотермен и К°». Клиентура теперь обслуживалась несравненно лучше, и Джордж стал настаивать на посылке Фрэнка в сельские местности для оживления торговли, так что Фрэнк нередко выезжал за город.

Перед Рождеством Генри Уотермен сказал брату:

– Надо сделать Каупервуду хороший подарок. Он ведь не получает жалованья. Как ты думаешь, пятисот долларов будет достаточно?

– Это большие деньги по нынешним временам, но, по-моему, он их заслужил. Этот малый, несомненно, оправдал все наши ожидания и даже превзошел их. Он словно создан для хлебно-комиссионного дела.

– А что он сам говорит об этом? Ты не слыхал, он доволен?

– О, мне кажется, он вполне удовлетворен. Впрочем, ты видишь его не реже, чем я.

– Ну что ж, так и порешим – пятьсот долларов. А со временем можно будет принять его компаньоном в наше дело. У него хватка настоящего коммерсанта. Распорядись насчет этих денег да скажи ему приветливое словечко от нас обоих.

И вот накануне сочельника, когда Фрэнк просматривал какие-то накладные и счета, чтобы перед наступающим праздником оставить все дела в полном порядке, к его столу подошел Джордж Уотермен.

– Все еще за работой? – спросил он, останавливаясь под ослепительным газовым рожком и одобрительно глядя на усердного юношу.

За окном уже спустились сумерки, и мороз покрыл узорами стекла.

– Так, просматриваю кое-что напоследок, – с улыбкой отвечал Каупервуд.

– Мы с братом очень довольны тем, как вы работали эти полгода. Нам хотелось как-нибудь выразить нашу признательность, и потому мы просим вас принять награду в пятьсот долларов. А с будущего года мы назначаем вам регулярное жалованье – тридцать долларов в неделю.

– Очень вам благодарен, – отвечал Фрэнк. – Я не рассчитывал на такой оклад. Это больше, чем я мог предполагать. Ведь, работая у вас, я многому научился.

– Полноте. Вы заслужили эти деньги и можете оставаться у нас сколько захотите. Мы вам всегда рады.

Каупервуд улыбнулся, как обычно, приветливо и добродушно. Откровенное признание его заслуг очень ему польстило. Приятно было смотреть на него, веселого, сияющего, в хорошо сшитом костюме из английского сукна.

Вечером, по дороге домой, Фрэнк размышлял о том, что представляет собою дело, в котором он работал. У него не было ни малейшего намерения долго оставаться на этой службе, несмотря на наградные и обещанное жалованье. Братья Уотермен испытывали к нему признательность – что ж тут удивительного? Он был энергичным работником и сам знал это. Ему и в голову не приходило причислять себя к мелким служащим, напротив: со временем эта людская порода должна будет работать на него. В таком его взгляде на вещи не было ни озлобления, ни ярости против судьбы, ни страха перед неудачей. На своих хозяев он смотрел как на представителей определенного типа дельцов. Он видел их

слабости и недостатки, так же как взрослый видит недостатки ребенка.

После обеда, собираясь к своей приятельнице Марджори Стэффорд, Фрэнк рассказал отцу о наградных и обещанном жалованье.

– Великолепно! – обрадовался Каупервуд-старший. – Ты делаешь даже бо́льшие успехи, чем я предполагал. Надо думать, ты там и останешься?

– Нет, не останусь. В будущем году я от них уйду.

– Почему?

– Видишь ли, меня к этому не тянет. Дело неплохое, но я предпочел бы испытать свои силы на фондовой бирже. Это мне интереснее.

– А тебе не кажется, что будет нехорошо по отношению к твоим хозяевам, если ты не предупредишь их заранее?

– Нисколько. Я им все равно нужен, – отвечал Фрэнк, завязывая галстук перед зеркалом и оправляя сюртук.

– Матери ты рассказал?

– Нет еще. Сейчас пойду к ней.

Он вошел в столовую, где сидела мать, обвил руками ее хрупкие плечи и сказал:

– Угадай, что я тебе расскажу, мама.

– Не знаю, – отвечала она, ласково заглядывая ему в глаза.

– Я сегодня получил пятьсот долларов наградных, а с будущего года мне положено жалованье – тридцать долларов в неделю. Что тебе подарить к Рождеству?

– Да неужели? Вот это замечательно. Как я рада! Тебя, верно, там очень любят? Ты становишься совсем взрослым мужчиной.

– Что же тебе подарить к Рождеству?

– Ничего. Мне ничего не надо. У меня есть мои дети.

Фрэнк улыбнулся.

– Будь по-твоему – ничего, так ничего.

Но мать знала, что он непременно купит ей какой-нибудь подарок.

Выходя, Фрэнк на мгновение задержался в дверях, обнял за талию сестренку, предупредил мать, чтобы его не ждали рано, и поспешил к Марджори, с которой условился идти в театр.

– Какой же мне сделать тебе рождественский подарок, Марджи? – спросил он, целуя ее в полутемной передней. – Я получил сегодня пятьсот долларов.

Ей едва минуло пятнадцать лет, и ни хитрости, ни корысти в ней еще не было.

– Ах, что ты, мне ничего не нужно.

– Не нужно? – повторил он, прижимая ее к себе и снова целуя в губы.

Хорошо прокладывать себе путь в этом мире, хорошо наслаждаться всеми радостями жизни!

Глава V

В октябре следующего года – месяцев через шесть после того, как ему минуло восемнадцать лет, – Фрэнк, окончательно убедившись, что хлебно-комиссионное дело (насколько он мог судить о нем по компании Уотерменов) не его призвание, решил уйти из этой фирмы и поступить на службу в банкирскую контору «Тай и К°».

С мистером Таем Фрэнк познакомился как агент «Уотермена и К°» по внешним сделкам, и тот сразу же заинтересовался молодым человеком.

– Ну, как дела у ваших хозяев? – иногда добродушно спрашивал он.

Или осведомлялся:

– Ну что, растет ваш вексельный портфель?

Тревожное время, переживаемое страной, непомерно раздутый выпуск ценных бумаг, пропаганда против рабовладельчества и все прочее заставляли людей страшиться за будущее. И Таю – он сам не мог бы объяснить почему – казалось, что с этим юношей стоило потолковать на животрепещущие темы. И годы его как будто не такие, чтобы во всем этом разбираться, а все-таки разбирается.

– Благодарю вас, мистер Тай, у нас дела идут неплохо, – обычно отвечал ему Каупервуд.

– Вот увидите, – однажды утром сказал Тай Фрэнку, – ес-

ли эта пропаганда против рабства не прекратится, мы еще хлебом горя.

Как раз в это время невольник, принадлежавший одному приезжему кубинцу, был отобран у хозяина и отпущен на волю, ибо по законам Пенсильвании всякий негр, оказавшийся на территории штата, хотя бы даже проездом, получал свободу. Случай этот вызвал большие волнения. Несколько человек было арестовано, газеты подняли отчаянную шумиху.

– Никогда не поверю, что Юг станет терпеть такое положение вещей. В наше дело это вносит сумятицу и, надо думать, в другие отрасли тоже. Помяните мое слово, мы доиграемся до отпадения южных штатов.

Мистер Тай произнес эту сентенцию с чуть заметным ирландским акцентом.

– Да, к тому идет, – спокойно отвечал Каупервуд. – И ничего тут не поделаешь. Негры, конечно, не стоят всех этих волнений, но агитация в их пользу будет продолжаться. Чем же еще заниматься чувствительным людям? А вашей торговле с Югом это сильно вредит.

– Я держусь такого же мнения, да и слышу то же самое со всех сторон.

По уходе молодого Каупервуда мистер Тай занялся другим клиентом, но нет-нет да и вспоминал юношу, поразившего его глубиной и здравостью своих суждений о финансовых делах.

«Если этот молодой человек захочет переменить место, я

предложу ему работать у меня», – решил он.

И однажды сказал Фрэнку:

– Вы не хотели бы попытаться свои силы в биржевом деле?

У меня как раз освободилось место.

– С удовольствием, – улыбаясь, отвечал Каупервуд, видимо, польщенный. – Я и сам собирался просить вас об этом.

– Ну что ж, если вы решитесь перейти ко мне, место за вами. Приступайте, когда вам будет угодно.

– Я должен заблаговременно предупредить своих хозяев, – заметил Фрэнк. – Вы не могли бы подождать недели две?

– Разумеется. Никакой спешки нет. Улаживайте все свои дела. Я вовсе не хочу ставить Уотерменов в затруднительное положение.

Лишь две недели спустя Фрэнк распрощался с компанией Уотерменов; его интересовали, но ничуть не опьяняли открывавшиеся перед ним перспективы. Мистер Джордж Уотермен очень расстроился, а мистера Генри эта измена привела в сильнейшую досаду.

– А я-то думал, что вам у нас нравится! – воскликнул он, когда Каупервуд сообщил ему о своем решении. – Может быть, вы недовольны жалованьем?

– Нет, мистер Уотермен, я просто хочу заняться биржевым делом.

– Так, так. Сожалею, очень сожалею. Я не хочу вас отговаривать, если это во вред вашим интересам. Вам виднее.

Но мы с Джорджем собирались через некоторое время предложить вам стать нашим компаньоном. А вы вдруг, здорово живешь, сорвались с места — и до свиданья. Ведь в нашем деле, черт возьми, можно заработать хорошие деньги.

— Я знаю, — с улыбкой отвечал Каупервуд, — но оно мне не по душе. У меня другие планы. Я не собираюсь посвящать себя хлебно-комиссионному делу.

Мистер Генри Уотермен никак не мог взять в толк, почему Фрэнк не интересуется этой отраслью, если он так явно преуспел в ней. Вдобавок он опасался, как бы уход молодого человека не повредил делам фирмы.

Вскоре Каупервуд пришел к заключению, что новая работа ему куда больше по вкусу — она легче и выгодней. Начать хотя бы с того, что фирма «Тай и К°» помещалась в красивом зеленовато-сером каменном здании — дом шестьдесят шесть по Третьей улице, которая в те времена, да еще и много лет спустя была центром местного финансового мира. Тут же рядом находились банкирские дома, известные не только в Америке, но и за ее пределами: «Дрексель и К°», Третий национальный банк, Первый национальный банк, а также фондовая биржа и другие подобные учреждения. По соседству приютились еще десятка два банков и биржевых контор поменьше. Эдвард Тай, глава и «мозг» фирмы, родом из Бостона, был сыном преуспевшего и разбогатевшего в этом консервативном городе ирландца-иммигранта. В Филадельфию мистера Тая привлекли широкие возможности спекуляций.

«Это самое подходящее место для человека, умеющего держать ухо востро», – с легким ирландским акцентом говорил он своим друзьям. Себя он считал именно таким человеком. Это был мужчина среднего роста, не слишком полный, с легкой и несколько преждевременной проседью, по натуре жизнерадостный и добродушный, но в то же время задорный и самоуверенный. Над верхней губой у него топорщились коротко подстриженные седые усики.

– Беда с этими пенсильванцами, – жаловался он уже вскоре после переезда. – Никогда не платят наличными, нороят всучить вексель.

В ту пору кредит Пенсильвании, а следовательно, и Филадельфии, несмотря на богатство штата, стоил очень низко.

– Если дело дойдет до войны, – говорил мистер Тай, – то целые легионы пенсильванцев начнут предлагать векселя в уплату за обед. Проживи я целых два века, я разбогател бы на покупке пенсильванских векселей и обязательств. Когда-нибудь они, верно, расплатятся с долгами, но, бог ты мой, до чего же это медленно делается! Я буду лежать в могиле раньше, чем они покроют мне хотя бы проценты по своей задолженности.

Он не ошибался. Финансы штата и города находились в весьма плачевном состоянии. И тот и другой были достаточно богаты, но поскольку казну обирали все, кому не лень, и любыми способами, то всякие новые начинания в штате требовали выпуска новых облигаций. Эти облигации, или обя-

зательства, как их называли, гарантировали шесть процентов годовых, но, когда наступал срок уплаты процентов, казначей города или штата ставил на них штамп с датой предъявления, и проценты по обязательствам начислялись с этого дня не только на номинал, но и на накопившиеся проценты. Иначе говоря, это было постепенное накопление процентов. Людям, нуждавшимся в наличных деньгах, от этого толку было мало, ибо под залог таких обязательств банки выдавали не более семидесяти процентов их курсовой стоимости, продавали же они не по паритету, а по девяносто за сто. Конечно, их можно было покупать в расчете на будущее, но уж очень долго приходилось ждать. Окончательный выкуп этих обязательств опять-таки сопровождался жульническими махинациями. Зная, что те или иные обязательства находятся в руках «добрых знакомых», казначей опубликовывал сообщение, что такие-то номера – именно те, которые были ему известны, – будут оплачены.

Более того, вся денежная система Соединенных Штатов тогда еще только начинала переходить от состояния полного хаоса к состоянию, отдаленно напоминавшему порядок. Банк Соединенных Штатов, основанный Николасом Бидлом, в 1841 году был окончательно ликвидирован. В 1846 году Министерство финансов Соединенных Штатов организовало свою систему казначейств. И все же фиктивных банков существовало столько, что владелец небольшой меняльной конторы поневоле становился ходячим справочником плате-

жеспособных и неплатежеспособных предприятий. Правда, мало-помалу положение улучшалось, так как телеграф облегчил не только обмен биржевой котировкой между Нью-Йорком, Бостоном и Филадельфией, но даже и связь между конторой местного биржевого маклера и фондовой биржей. Другими словами, в обиход начали входить частные телеграфные линии, действовавшие на коротком расстоянии. Взаимный обмен информацией стал более быстрым, доступным и совершенствовался день ото дня.

Железные дороги уже протянулись на юг, на восток, на север и на запад. Но еще не было автоматической регистрации курсов, не было телефона; в Нью-Йорке совсем недавно додумались до расчетной палаты, в Филадельфии она еще не была учреждена. Ее заменяли рассыльные, метавшиеся между банками и биржевыми конторами; они же сводили балансы по банковским счетным книжкам, обменивали векселя и раз в неделю переправляли в банк золотую монету – единственное средство для окончательного расчета по задолженности, так как твердой государственной валюты в те времена не существовало. На бирже, когда гонг возвещал о прекращении сделок на сегодняшний день, в середине зала – точь-в-точь как в Лондоне – собирались в кружок молодые люди, именовавшиеся «расчетными клерками»; они сверяли и подытоживали всевозможные покупки и продажи, аннулируя те из них, которые взаимно погашались в результате повторных сделок между фирмами. Заглядывая в счетные кни-

ги, они выкрикивали сделки, которые были произведены за день: «Делавэр и Мэриленд» продала компании «Бомонт», «Делавэр и Мэриленд» продала компании «Тай» и т. д. Такой способ упрощал бухгалтерию фирм, ускоряя и оживляя сделки.

Место на фондовой бирже стоило две тысячи долларов. Согласно правилам, недавно введенным биржевым комитетом, сделки дозволялось заключать между десятью часами утра и тремя пополудни (раньше это делалось в любое время – с утра и до полуночи). Тот же комитет установил твердые ставки за услуги, оказываемые маклерами, вместо прежних бесцеремонных поборов. Нарушители подвергались суровым взысканиям. Иными словами, делалось все возможное для укрепления биржи, и Эдвард Тай, наравне с другими маклерами, возлагал большие надежды на будущее.

Глава VI

К этому времени семейство Каупервуд уже обосновалось в своем новом, более поместительном и лучше обставленном жилище на Фронт-стрит, возле самой реки. Дом был четырехэтажный, с фасадом длиной в двадцать пять футов, двора при нем не было. Здесь Каупервуды начали время от времени устраивать небольшие приемы для тех представителей различных отраслей коммерции, с которыми Генри Каупервуд встречался на своем пути, неукоснительно приближавшем его к посту главного кассира. Общество это не отличалось изысканностью, но в числе гостей бывали лица столь же преуспевшие, как и Каупервуд, — хозяева небольших предприятий, связанных деловыми отношениями с его банком, торговцы мануфактурой, кожаными товарами, хлебом и оптовики-бакалейщики. У детей завелась своя компания. Миссис Каупервуд тоже изредка устраивала дневное чаепитие или вечер для своих знакомых по церковному приходу, и тогда Каупервуд пытался играть роль светского человека, обычно сводившуюся к тому, что он стоял с благодушно-глуповатым видом и приветствовал гостей жены. Так как он умел сохранять серьезно-торжественное выражение на лице и выслушивать приветствия, не требовавшие пространных ответов, то эта церемония не особенно его обременяла. Иногда у Каупервудов пели, иногда немного танце-

вали; вскоре гости стали приходить запросто к обеду, чего прежде никогда не водилось.

И вот в первый же год своей жизни в новом доме Фрэнк познакомился с некоей миссис Сэмпл и увлекся ею. У ее мужа был большой обувной магазин на Честнат-стрит близ Третьей улицы, и он уже подумывал об открытии второго на той же Честнат-стрит, чуть подальше.

Однажды вечером Сэмпл с женой нанесли визит Каупервудам. Мистер Сэмпл хотел побеседовать с хозяином дома о новом, только что зародившемся виде городского транспорта – конной железной дороге. Опытная линия протяженностью в полторы мили, построенная Северо-Пенсильванской железнодорожной компанией, была только что сдана в эксплуатацию. Начинаясь на Уиллоу-стрит, она шла вдоль Фронт-стрит до Джермантаун-роуд, а оттуда по разным улицам до места, известного под названием «Станция Кохоксинк». Считалось, что этот способ передвижения постепенно вытеснит сотни омнибусов, которые курсировали по городу и сильно затрудняли пешеходное движение в его торговой части. Молодой Каупервуд с самого начала заинтересовался этим предприятием. Железнодорожное дело вообще занимало Фрэнка, эта же его разновидность – в особенности. Конка вызывала оживленные споры, и Фрэнк вместе с другими любопытными отправился на нее взглянуть. Странного и непривычного вида вагон – четырнадцать футов в длину, семь в ширину и приблизительно столько же в высоту, –

поставленный на маленькие железные колеса, предоставлял пассажирам несравненно больше удобств, чем омнибус. Альфред Сэмпл уже втихомолку помышлял о том, чтобы вложить деньги во вторую, намечавшуюся линию, которая, по получении санкции городских властей, должна была пройти по Пятой и Шестой улицам.

Каупервуд-старший прочил этому предприятию блестящую будущность, хотя не понимал еще, откуда возьмутся средства для его осуществления. Фрэнк, со своей стороны, считал, что компании «Тай» следовало бы взять на себя реализацию акций будущей линии Пятой в Шестой улиц, если город выдаст разрешение на таковую. Он слышал, что акционерное общество организовалось и уже готовит большой выпуск акций, которые будут пущены в продажу по пяти долларов за штуку при паритете – в конечном итоге – в сто долларов. Фрэнк очень сожалел, что у него недостаточно денег для покупки солидного пакета этих акций.

Меж тем Лилиан Сэмпл пленила Фрэнка и завладела его воображением. Трудно сказать, что влекло молодого Каупервуда к ней, ибо ни по темпераменту, ни по уму она не была ему ровней. Фрэнк уже приобрел некоторый опыт в отношениях с женщинами и по-прежнему дружил с Марджори Стэффорд. Тем не менее Лилиан Сэмпл, хотя ни умом, ни красотой она не превосходила других и вдобавок была замужем, так что он не мог иметь серьезных намерений, больше всех волновала его. Ей было двадцать четыре года, а ему

всего девятнадцать, но душой и телом она казалась такой же юной, как он. Высокая, чуть выше его, хотя он к этому времени уже достиг своего предельного роста (пять футов и десять с половиной дюймов), она все же была очень изящна. От нее веяло невозмутимым спокойствием, объяснявшимся скорее поверхностностью восприятия, нежели силой характера. У Лилиан были густые пышные волосы пепельного оттенка, бледное, узкое, почти восковое лицо, нежно-розовые губы и прямой нос. Ее серые глаза в зависимости от освещения казались то голубыми, то совсем темными. Руки ее поражали тонкостью и красотой. Она не отличалась ни живостью, ни блеском ума, движения ее были медлительны и как-то бессознательно пластичны. Каупервуда увлекла ее внешность. Она вполне соответствовала его тогдашним представлениям об идеале красоты. «Как она прелестна, – думал он, – как мила, и притом сколько в ней достоинства». Если бы он мог выбирать, то выбрал бы себе именно такую жену.

В своих суждениях о женщинах Каупервуд руководствовался больше чувством, чем разумом. Стремясь добиться богатства, престижа и влияния, он, конечно, придавал большое значение представительности женщины, ее положению в обществе и всему прочему. Но тем не менее некрасивые женщины никогда не привлекали его, красавицы же привлекали очень сильно. Он не раз слышал дома рассказы о самопожертвовании женщин, как, впрочем, и мужчин, слышал о женщинах-труженицах, рабски преданных своим мужьям,

или детям, или семье в целом, женщинах, которые в критические минуты всем поступались для родных или друзей, движимые чувством долга и добросердечием. Но эти истории почему-то не трогали его. Он предпочитал считать всех, даже женщин, откровенно эгоистичными. Почему – объяснить он не мог. Люди, не способные к самозащите и не умеющие найти выход из любого положения, казались ему глупыми или в лучшем случае несчастными. Как много говорилось вокруг о высокой нравственности, как превозносились добродетели и порядочность, как часто воздевались к небу руки в праведном ужасе перед теми, кто нарушил седьмую заповедь или хотя бы был заподозрен в нарушении таковой! Фрэнк не принимал таких разговоров всерьез. Он и сам уже не раз нарушал эту заповедь. То же самое делали и другие молодые люди. Правда, уличные женщины претили ему. В соприкосновении с ними было много низменного и гадкого. На первых порах ему нравился мишурный, вульгарный блеск «веселых домов». В их роскоши был известный размах: красная плюшевая мебель, шикарные красные портьеры, безвкусные, зато оправленные в дорогие рамы картины и прежде всего сами обитательницы. Здоровые и сильные или же чувственные и флегматичные – женщины, которые (по выражению его матери) «подстерегали» мужчин. Выносливость их тела и похотливость души, способность с показной ласковостью и радушием принимать одного мужчину за другим – все это вначале изумляло Фрэнка, но вскоре стало вы-

зывать в нем отвращение. К тому же они были тупы. От них нельзя было услышать ни одного живого слова. И подумать только, ничего другого они делать не умели. Он мысленно рисовал себе их тоскливое пробуждение после угарных ночей, отвратительный осадок в душе, который лишь отчасти могли рассеять сон и жажда наживы. И Фрэнку, несмотря на его молодость, становилось грустно. Ему хотелось близости, в которой было бы больше интимного, утонченного, оригинального, личного.

И вот появилась Лилиан Сэмпл, всего лишь отдаленное подобие идеала. Тем не менее она облагородила его представление о женщине. В ней не было животной силы к необузданности, как в тех женщинах из вертепов, грубо и бесстыдно нарушавших общепринятые понятия и воззрения, — и этого одного уже было достаточно, чтобы Лилиан ему нравилась.

Она жила в его мыслях даже в эти горячие дни, которые словно вспышки пламени озаряли его деятельность на новом поприще. Ибо биржевой мир, в который окунулся Каупервуд, каким бы примитивным он нам ни казался сегодня, для него был исполнен очарования. Зал фондовой биржи на Третьей улице, где собирались маклеры, их агенты и служащие — в общей сложности человек полтора, — отнюдь не был архитектурной достопримечательностью — просто квадратное помещение размером шестьдесят футов на шестьдесят, объединявшее два верхних этажа четырехэтажного до-

ма. Но Фрэнк зал этот приводил в восторг. Окна там были высокие и узкие, прямо напротив входа, на западной стене, висели часы с огромным циферблатом, а северо-восточный угол загромождали конторки, стулья и целое скопище телеграфных аппаратов. В раннюю пору существования биржи в зале рядами стояли стулья, на которых сидели маклеры, прислушиваясь к всевозможным предложениям акций. Впоследствии эти стулья убрали, и в различных местах зала были установлены столбики (либо сделаны отметки на полу), указывавшие, где продаются те или иные бумаги. Вокруг таких столбиков толпились люди, заинтересованные в заключении сделок. Из коридора третьего этажа дверь вела на тесную и кое-как обставленную галерею для публики. На западной стене висела громадная черная доска, на которой отмечалась котировка⁶ акций, передаваемая по телеграфу из Нью-Йорка и Бостона. В середине зала, за низенькой загородкой, находилось место официального председателя, а на высоте третьего яруса, с западной стороны, был еще маленький балкон – на него для экстренных сообщений выходил секретарь биржевого комитета. В юго-западном углу была дверь, которая вела в комнату, где биржевики знакомились со всевозможными отчетами и годовичными обзорами.

Молодого Каупервуда не допустили бы на биржу ни как маклера, ни как маклерского агента или помощника, если бы Тай, нуждавшийся в нем и уверенный, что такой чело-

⁶ Установление биржевой цены и курса ценных бумаг.

век будет ему полезен, не купил для него места. Две тысячи долларов, которые оно стоило, он записал как долг Фрэнка, после чего во всеуслышание объявил его своим компаньоном. Такое фиктивное товарищество противоречило правилам биржи, но маклеры нередко прибегали к нему. Младших компаньонов и подручных насмешливо называли «восьмушечниками» и «двухдолларовыми маклерами», потому что они гнались за любым мелким заработком и готовы были покупать и продавать по чьему угодно поручению, отчитываясь, конечно, перед своей фирмой в произведенных операциях. Несмотря на свои выдающиеся способности, Фрэнк на первых порах тоже считался «восьмушечником» и был отдан под начало мистеру Артуру Райверсу, полномочному представителю компании «Тай» на бирже.

Райверс был необыкновенно энергичный человек, лет тридцати пяти, элегантный, хорошо сложенный, с чисто выбритым, жестким и словно точеным лицом, которое украшали коротко подстриженные черные усики и тонкие черные брови. Волосы его посередине разделялись аккуратным пробором. Подбородок чуть заметно раздваивался. Голос у Райверса был мягкий, манеры спокойные и сдержанные; он всегда и везде был одинаково корректен. Вначале Каупервуд недоумевал, зачем Райверсу, такому опытному дельцу, служить у мистера Тая, но впоследствии узнал, что Райверс — участник в деле. Тай был организатор, он принимал клиентов в конторе, а Райверс представлял фирму на бирже и ве-

дал внешними сношениями.

Вскоре Фрэнк убедился, что не стоит даже пытаться понять, почему акции то поднимаются, то падают. Это, конечно, определялось какими-то общими причинами, как объяснил ему Тай, но учесть их было почти невозможно.

– Любая причина может вызвать на бирже и бум, и панику, – говорил Тай со своим своеобразным акцентом, – будь то крах банка или только слух, что бабушка вашего двоюродного брата схватила насморк. Биржа совсем особый мир, Каупервуд. Никто на свете не сумеет вам его объяснить. Я видел, как вылетали в трубу акционерные общества, хотя даже самый опытный биржевик не мог бы сказать, по какой причине. Я видел также, как акции необъяснимо взлетали до небес. Ох, эти биржевые слухи! Сам дьявол не придумает ничего подобного. Обычно, если акции падают, значит, кто-то выбрасывает их на биржу или же на рынке общая депрессия. Если акции поднимаются, значит, то ли конъюнктура благоприятна, то ли кто-то скупает их. Это уж факт. Больше того... Ну да пусть Райверс познакомит вас со всей подноготной. Об одном я должен вас предупредить: никогда не вводите меня в убыток. Это самый тяжкий грех, какой может совершить доверенный моей конторы.

При этих словах Тай улыбнулся любезно, но многозначительно.

Каупервуд понял, но... к его сведениям это ничего не прибавило. Этот лукавый мир нравился ему и соответствовал

его темпераменту.

Слухи, слухи, слухи неслись со всех сторон – о широких планах строительства железных дорог и коночных линий, об освоении новых земель, о пересмотре правительством таможенных тарифов, о войне между Францией и Турцией, о голоде в России и в Ирландии и т. п. и т. д. Первый трансатлантический кабель еще не был проложен, новости из-за границы доходили медленно и скудно. Тем не менее на биржевой арене подвизались крупнейшие финансисты, такие, как Сайрус Филд, Уильям Вандербильдт или Ф. Дрексель; они творили чудеса, и деятельность их, равно как и всевозможные слухи о ней, играла огромную роль в жизни биржи.

Фрэнк быстро овладел техникой дела. Он узнал, что того, кто покупал в чаянии повышения курса, называли быком, если же этот маклер уже скупил большие партии определенных пенных бумаг, то про него говорили, что он «нагрузился до отказа». Когда он начинал продавать, это значило, что он «реализует» свой барыш, если же его маржа⁷ иссякала – он «прогорал». «Медведем» назывался биржевик, продававший акции, которых у него по большей части не было в наличии, с расчетом на их падение, чтобы тогда по дешевке закупить их и покрыть свои запродажные сделки. Покуда он продавал бумаги, не имея их, он считался «пустым»; если же он покупал акции, чтобы удовлетворить клиента и положить

⁷ Разница между номинальной стоимостью ценной бумаги и ценой, которую запрашивает маклер.

в карман прибыль или с целью избежать убытка от непредвиденного повышения курсов, то на биржевом жаргоне говорили, что он «покрывается». Когда обнаруживалось, что он не может достать акций, чтобы вернуть их тем, у кого он их раньше занял для выполнения заказа, он оказывался «загнанным в угол». Тогда ему приходилось покрывать свою задолженность по ценам, назначенным лицами, которым он и другие «пустые» маклеры запродали ценности.

В первое время Фрэнка забавлял таинственный вид и выражение всезнайства, свойственное молодым маклерам. Они были так искренне и так нелепо подозрительны. Более опытные их коллеги, как правило, оставались непроницаемы. Они разыгрывали равнодушие и нерешительность, но сами, как хищные рыбы, высматривали соблазнительную добычу. Мгновение – и возможность упущена: кто-то другой воспользовался ею. Каждый из них не выпускал из рук маленького блокнота. У каждого была своя манера подмигивать, своя характерная поза или жест, означавшие: «Идет. Я беру». Иногда казалось, что они почти не подтверждают своих продаж или покупок – они ведь так хорошо знали друг друга. Но это только казалось. Когда на бирже почему-либо царил оживление, там толпилось куда больше биржевиков и их агентов, чем в дни, когда биржа работала вяло и в делах наблюдался застой. Удар гонга в десять часов утра возвещал начало операций, и когда намечалось заметное повышение или понижение акций одной или нескольких компаний, там

можно было наблюдать любопытную картину. Человек пятьдесят, а то и сто сразу кричали, размахивали руками, метались как угорелые из стороны в сторону, стараясь извлечь выгоду из предлагаемых или требуемых бумаг.

– Даю пять восьмых за пятьсот штук П и У! – выкрикивал маклер – Райверс, Каупервуд или кто-нибудь другой.

– Пятьсот по три четверти! – кричал в ответ агент, получивший указание продавать по этой цене или игравший на понижение, в надежде позднее купить нужные акции и выполнить полученный заказ да еще кое-что подработать на разнице.

Если акций по этой цене на бирже было много, то покупатель, Райверс к примеру, стоял на своих «пяти восьмых». Заметив, однако, что спрос на интересующие его бумаги возрастает, он платил за них и «три четверти». Если профессиональные биржевики подозревали, что Райверс получил заказ на крупную партию тех или иных акций, они всячески старались забежать вперед и купить их до него хотя бы по «три четверти», в расчете затем продать их ему с небольшой наценкой. Эти профессионалы были, конечно, тонкими психологами. Их успех зависел от способности угадать, имеет ли тот или иной маклер, представляющий какого-нибудь крупного дельца вроде Тая, достаточно большой заказ, чтобы воздействовать на рынок и дать им возможность «обернуться», как они выражались, с барышом, прежде чем он кончит свои закупки. Так коршун настороженно выжидает

случая вырвать добычу из когтей соперника.

Четыре, пять, десять, пятнадцать, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят человек, а временами и вся толпа, пытались использовать повышение той или иной бумаги, предлагая или покупая ее; в таких случаях поднималась невообразимая суета, и шум становился оглушительным. Отдельные группы продолжали заниматься куплей-продажей других бумаг, но подавляющее большинство бросало все свои дела, чтобы не упустить выгодного случая. Более молодые маклеры и клерки, горя желанием охватить все разом и обернуть в свою пользу падение или повышение ценностей, носились взад и вперед, возбужденно жестикулировали и обменивались знаками, подымая кверху условленное число пальцев. Искривленные лица выставлялись из-за чужих плеч, из-под чужих рук. Все как-то странно кривлялись – сознательно или бессознательно. Стоило кому-нибудь высказать намерение купить или продать бумаги по сулившей прибыль цене, как он уже оказывался втянутым в сплошной круговорот рук, плеч и голов. Вначале все это – вернее, внешняя сторона всего этого – очень занимало молодого Каупервуда, так как он любил толпу, любил оживление; но вскоре живописность и драматизм сцен, в которых он сам принимал участие, померкли для него, и он начал уяснять себе внутренний смысл всего происходящего. Покупка и продажа акций были искусством, тонким мастерством, чуть ли не психической эмоцией. Подозрительность, целеустремленность, чутье – вот что

нужно было для успеха.

По прошествии некоторого времени он уже стал задаваться вопросом: кто же, собственно, больше всего на этом наживается? Маклеры? Ничего подобного! Кое-кто из них, правда, неплохо зарабатывал, но все они – и Фрэнк скоро понял это, – словно стая голодных чаек или буревестников, налетали с подветренной стороны, алчно выслеживая неосторожную рыбу. За их спиной стояли другие – люди неистощимого коварства, изворотливого ума – крупные капиталисты, чьи предприятия и богатства олицетворялись этими акциями. Это они проектировали и строили железные дороги, разрабатывали рудники, создавали коммерческие предприятия и гигантские фабрики. Правда, они прибегали к услугам маклеров для биржевых операций, но все – и купля и продажа – могло быть и было только побочным явлением – основой оставались рудники, железные дороги, урожаи, мельницы и т. п. Все остальное, что не было обыкновенной продажей с целью скорейшего получения наличного капитала или обыкновенной покупкой с целью вложения средств, оказывалось просто неприкрашенной азартной игрой, а те, кто этим занимался, – игроками. И сам он, Фрэнк, всего-навсего агент игрока. Сейчас он еще не огорчился этим, но загадки более не существовало, он знал, кто он такой. Как и раньше, когда он работал у «Уотермена и К°», он любил мысленно классифицировать своих собратьев по профессии: одни оказывались слабовольными, другие глупыми, третьи умны-

ми, четвертые неповоротливыми, но все — мелкие душонки, неполноценные люди, ибо они были агентами, орудием в чужих руках или азартными игроками. Настоящий человек никогда не станет ни агентом, ни покорным исполнителем чужой воли, ни игроком, ведущим игру, все равно — в своих или в чужих интересах; нет, люди этого сорта должны обслуживать его, Фрэнка. Настоящий человек — финансист — не может быть орудием в руках другого. Он сам пользуется таковым. Он создает. Он руководит.

Ясно, исчерпывающе ясно. Каупервуд понял все это в девятнадцать или в двадцать лет, но в ту пору он еще не созрел для того, чтобы сделать из своего знания практические выводы. Тем не менее он твердо верил: настанет и его час.

Глава VII

Меж тем, как это ни странно, увлечение Фрэнка женой мистера Сэмпла втайне продолжало расти. Однажды, получив приглашение посетить их дом, он откликнулся на это с большим удовольствием. Сэмплы жили неподалеку от Каупервудов, на Фронт-стрит. Летом их особнячок утопал в зелени. С маленькой веранды на южной стороне открывался очаровательный вид на реку; все окна и двери в верхней своей части были украшены полукружьями из мелких стекол. Внутреннее убранство дома было далеко не таким, каким хотелось бы его видеть Фрэнку. Ни малейшей утонченности, хотя мебель новая и добротная. Картины... ну что ж, картины как картины. Книги и вовсе не заслуживали упоминания – Библия, два-три модных романа, несколько более или менее солидных альманахов и куча устарелого книжного хлама, доставшегося Сэмплам по наследству. Фарфор был превосходный, нежного рисунка. Ковры и обои неприятно кричащих тонов. Зато хороша была сама Лилиан: какую бы позу ни приняла эта женщина, она оставалась неизменно прекрасной.

Детей у них не было, но не по вине миссис Сэмпл, ей очень хотелось ребенка. Она мало встречалась с людьми, если не считать девических лет, когда ее родителей порою навещали родственники и кое-кто из соседей. Двое братьев и сестра

Лилиан тоже жили в Филадельфии и уже успели обзавестись семьями. Они считали, что Лилиан сделала прекрасную партию.

Она никогда не была пылко влюблена в мистера Сэмпла, хотя охотно вышла за него. Сэмпл отнюдь не принадлежал к людям, способным пробудить сильную страсть в женщине. Отличительными его чертами были практичность и педантичная аккуратность. Обувной магазин у него был хороший, с большим ассортиментом модного товара, помещение светлое и очень чистое. На мистера Сэмпла иногда нападала разговорчивость, и тогда он долго толковал об обувном производстве, новых колодках и моделях. В торговый обиход тогда только начинала входить готовая обувь – частично уже и машинной выработки; у мистера Сэмпла всегда имелся запас такой обуви, но он не отказывался и от услуг сапожников-кустарей, которые шили на заказ по мерке.

Миссис Сэмпл любила иногда немного почитать, но чаще сидела, словно погруженная в раздумье, что, впрочем, отнюдь не объяснялось ее глубокомыслием. Зато она при этом блистала той редкой красотой, которая делала ее похожей на античную статую или на участницу греческого хора. Без сомнения, такой именно она и представлялась Каупервуду, ибо он с самого начала не в силах был отвести от нее взора. Миссис Сэмпл замечала его восхищенные взгляды, но не придавала им особого значения. Привыкшая уважать условности и уверенная, что судьба ее навсегда связана с судьбою мужа,

она наслаждалась тихим и безмятежным существованием.

В первое время, когда Фрэнк стал бывать у них, она не знала, о чем с ним говорить. Лилиан приветливо встречала гостя, но бремя беседы всецело ложилось на мужа. Каупервуд то и дело взглядывал на миссис Сэмпл, следя за выражением ее лица, и, будь она чуть-чуть подогадливей, она поняла бы, что за этим кроется. К счастью, она была недогадлива. Мистер Сэмпл любезно беседовал с гостем, во-первых, потому, что молодой Каупервуд заметно выдвигался в финансовом мире, был учтив и вкрадчив, а во-вторых, потому, что мистер Сэмпл был не прочь приумножить свое состояние, а Фрэнк в его глазах олицетворял финансовый успех. Однажды весенним вечером они все трое сидели на веранде и болтали – так, о пустяках – о негритянском вопросе, о конке, о только что разразившейся финансовой панике (это было в 1857 году) и о быстром развитии Запада. Мистер Сэмпл хотел узнать поподробнее о фондовой бирже, а Фрэнк, со своей стороны, расспрашивал его об обувном деле, хотя, по правде говоря, несколько таковым не интересовался. Все это время он украдкой наблюдал за миссис Сэмпл. Какая у нее мягкая, ласковая и прелестная манера держать себя, думал он. Она подала чай с печеньем. Немного погодя все вошли в комнаты, спасаясь от комаров. Миссис Сэмпл села за рояль. В десять часов Фрэнк откланялся.

После этого вечера молодой Каупервуд год или полтора покупал себе обувь у мистера Сэмпла, иногда же просто за-

глядывал к нему в магазин на Честнат-стрит перекинуться несколькими словами. Однажды Сэмпл спросил его, стоит ли приобрести акции коночной линии Пятой и Шестой улиц, уже получившей от города разрешение, – событие, вызвавшее большой ажиотаж на бирже. Каупервуд изложил ему свои соображения. Дело это, несомненно, сулит прибыль. Сам он уже приобрел сто акций по пять долларов и потому настоятельно советует Сэмплу последовать его примеру. Собственно, этот человек был глубоко безразличен Фрэнку, но миссис Сэмпл ему по-прежнему нравилась, хотя он и редко ее видел.

Примерно через год мистер Сэмпл скончался. Это была безвременная смерть, случайный, малозначительный эпизод на фоне других событий, но печальный для близких. Поздней осенью он схватил простуду – пустячное заболевание, которое случается, когда человек промочил ноги или в сырую погоду вышел без пальто. Он все-таки отправился в магазин, несмотря на уговоры миссис Сэмпл. Человек тихий и сдержанный, он по-своему был очень упрям и неустанно пекся о своем деле. Он уже видел себя в ближайшем будущем обладателем состояния в пятьдесят тысяч долларов. И вдруг – простуда, девять дней в постели с воспалением легких, и мистера Сэмпла не стало. Обувной магазин закрыли на несколько дней, дом наполнился соболезующими друзьями и церковнослужителями. Затем отпевание в Кэллоухиллской пресвитерианской церкви, прихожанами которой

были супруги Сэмпл, и похороны. Миссис Сэмпл горько плакала. Смерть, увиденная так близко, потрясла ее, и некоторое время она была очень удручена. Ее брат, Дэвид Уиггин, временно взял на себя ведение дела. Завещания покойный не оставил, но после того, как вопрос о наследстве был урегулирован и обувной магазин продан, миссис Сэмпл получила свыше восемнадцати тысяч долларов, ибо никто не оспаривал ее права на безраздельное владение всем имуществом. Она осталась жить на той же Фронт-стрит и слыла интересной вдовушкой.

Во время всех этих событий молодой Каупервуд, которому только что исполнилось двадцать лет, вел себя достаточно активно. Он заходил во время болезни мистера Сэмпла. Присутствовал на похоронах. Помогал брату миссис Сэмпл ликвидировать обувное дело. После похорон он раза два навестил вдову и потом долго не показывался. Месяцев через пять он снова появился и с той поры уже стал навещать Лилиан каждую неделю или десять дней.

Повторяем: трудно сказать, что он нашел в Лилиан Сэмпл. Может быть, красивое, бледное личико так привлекало его, а может быть, ее равнодушие распаляло его задорную натуру. Он и сам не мог бы объяснить, почему он так настойчиво и страстно желал ее. Он не мог спокойно думать о Лилиан и почти никогда не говорил о ней. В семье знали, что он у нее бывает, но Каупервуды к этому времени уже научились уважать внутреннюю силу и ум Фрэнка. Он был приветлив,

жизнерадостен, большей частью весел, не будучи болтлив, и вдобавок, безусловно, шел в гору. Все знали, что он уже научился делать деньги. Жалованья он получал пятьдесят долларов в неделю, и у него имелись все основания вскоре ожидать прибавки. Несколько земельных участков, купленных им три года назад в западной части Филадельфии, значительно поднялись в цене. Его вложения в конные линии умножились благодаря приобретенным им пакетам в пятьдесят, сто и сто пятьдесят акций вновь организовавшихся компаний; несмотря на трудное время, эти бумаги медленно, но верно повышались и при первоначальной стоимости в пять долларов расценивались теперь в десять, пятнадцать и двадцать пять, а со временем должны были дойти до паритета. В финансовых кругах Фрэнка любили, будущее рисовалось ему в радужных красках. По зрелом размышлении он решил, что профессиональным биржевым игроком он не будет. Теперь он уже подумывал об учетно-вексельном деле, по его наблюдениям, выгодном и, при наличии капитала, лишенном каких бы то ни было элементов риска. Благодаря своей работе и связям отца Фрэнк встречался со множеством коммерсантов, банковских деятелей и опытных торговцев. Он знал, что они охотно поручат ему свои дела или хотя бы часть дел. В конторах «Дрексель и К°» и «Кларк и К°» к нему относились очень благожелательно, а Джей Кук, восходящее банковское светило, был его другом.

Между тем Фрэнк продолжал навещать миссис Сэмпл, и

чем чаще он бывал у нее, тем больше она ему нравилась. Нельзя сказать, чтобы они вели беседы блестящие и остроумные, но Фрэнк, когда хотел, мог быть приятен и занимателен. Он давал Лилиан такие разумные деловые советы, что даже ее родственники к ним прислушивались. Мало-помалу он начал нравиться ей; внимательный, спокойный и положительный, Фрэнк с готовностью растолковывал Лилиан тот или иной деловой вопрос, пока ей все не становилось ясно. Она видела, что он следит за ее делами с не меньшим вниманием, чем если бы это были его собственные, и старается упрочить ее материальное благополучие.

– Какой вы добрый, Фрэнк, – однажды сказала она ему. – Я вам бесконечно благодарна. Право, не знаю, что я стала бы делать без вас.

Она взглянула на его красивое лицо, с детской непосредственностью обращенное к ней.

– Полноте, полноте! Мне это так приятно. Я пришел бы в отчаяние, если бы не мог быть вам полезен.

Его глаза не загорелись, но засветились каким-то мягким, теплым светом. Миссис Сэмпл ощутила прилив нежности: как хорошо, когда можно опереться на такого человека.

– Как бы то ни было, я вам от души благодарна. Вы очень добры ко мне. Приходите опять, в воскресенье или в любой другой вечер. Я буду дома.

Как раз в пору, когда Фрэнк так зачастил к миссис Сэмпл, на Кубе умер его дядя Сенека, оставив ему пятнадцать ты-

саяч долларов. Вместе с этими деньгами в распоряжении Фрэнка теперь оказался капитал в двадцать пять тысяч долларов, и он уже точно знал, как им распорядиться. Вскоре после смерти мистера Сэмпла финансовый мир охватила паника, наглядно показавшая Фрэнку, сколь ненадежно маклерское дело. В промышленном мире наступила полнейшая депрессия. Свободные деньги стали редки, можно сказать, вообще исчезли. Капитал, испуганный пошатнувшейся торговлей и общим денежным положением в стране, глубоко ушел в свои тайники – в банки, подвалы, чулки и кубышки. Страна, казалось, летела в пропасть. Впереди уже маячила война с Югом или его отпадение. Нервная лихорадка охватила всю нацию. Люди выбрасывали на рынок все свои ценности, лишь бы раздобыть наличные деньги. Тай уволил из своей конторы троих служащих. Он старался экономить на чем только можно и пустил в оборот все личные сбережения, лишь бы спасти вложенный в бумаги капитал. Он заложил свой дом и земельные участки – одним словом, все, что имел. Молодой Каупервуд неоднократно служил ему посредником и носил пакеты акций в разные банки с наказом получить под них сколько удастся.

– Узнайте-ка, не ссудит ли мне банк вашего отца пятнадцать тысяч вот под это, – сказал он однажды Фрэнку, доставая толстую пачку акций «Филадельфия и Уилмингтон».

Фрэнк помнил, что отец некогда называл их весьма солидными.

– Вообще говоря, это очень хорошие бумаги, – нерешительно произнес Каупервуд-старший при виде акций. – Вернее, они были бы хороши во всякое другое время. Но сейчас так трудно с наличными. Мы с величайшим напряжением расплачиваемся по нашим собственным обязательствам. Впрочем, я поговорю с мистером Кугелем (Кугель был председателем правления банка).

Последовал долгий разговор, долгое ожидание. Наконец старший Каупервуд вернулся и сообщил Фрэнку, что они вряд ли смогут провести эту операцию. Восемь процентов – установившийся в это время дисконт⁸ – слишком невыгодные условия, учитывая спрос на деньги. Мистер Кугель если и согласится, то разве что на онкольную ссуду⁹ из расчета десяти процентов. Фрэнк вернулся к своему доверителю, коммерческая душа которого возмутилась при этом сообщении.

– Да скажите мне, черт возьми, – негодуя, воскликнул он, – неужели во всем городе нет больше денег? Ведь это же разорение, такие проценты! Я не выдержу. Ну ладно. Заберите обратно эти акции и тащите мне деньги. Но это никуда не годится, никуда не годится!

Фрэнк снова отправился в банк.

– Мистер Тай согласен на десять процентов, – спокойно

⁸ Процент, взимаемый банками при учете векселей (учетный процент).

⁹ То есть под залог процентных бумаг, которые банк имеет право продать по своему усмотрению, если взятая сумма не будет уплачена по первому требованию.

объявил он.

Таю был открыт кредит на пятнадцать тысяч долларов с правом немедленного его использования, и он тут же перечислил всю сумму в Джирардский национальный банк, чтобы заткнуть там «прореху». Так шли дела.

Меж тем молодой Каупервуд с интересом всматривался во все осложнявшееся финансовое положение страны. Проблема рабовладельчества, разговоры об отложении Южных штатов, общий подъем или упадок благосостояния страны тревожили его лишь в той мере, в какой они непосредственно затрагивали его интересы. Он стремился стать настоящим финансистом, но теперь, ознакомившись с закулисной стороной биржевого дела, уже не был уверен в своем желании сделать карьеру биржевика. Биржевая игра при условиях, созданных этой паникой, сопряжена с чрезвычайным риском. Многие маклеры разорились. Фрэнк достаточно насмотрелся на их измученные лица, когда они врывались к мистеру Таю и просили его аннулировать те или иные их заявки. Даже дома они не чувствуют себя в безопасности, говорили они. Им грозит окончательная гибель, их жены и дети будут выброшены на улицу.

Эта паника, между прочим, только помогла Фрэнку уяснить себе, чем ему в действительности хотелось заняться. Теперь, когда у него есть свободные средства, он начнет действовать самостоятельно. Даже предложение мистера Тая стать его младшим компаньоном не соблазнило Фрэнка.

– Я считаю, что у вас прекрасное дело, – сказал он, объясняя свой отказ, – но я хочу открыть собственную учетно-вексельную контору. На биржевую игру ставку делать не стоит. Свое, пусть маленькое, дело я предпочитаю всем биржам на свете.

– Но вы еще чертовски молоды, Фрэнк, – возразил его хозяин. – У вас уйма времени впереди для самостоятельной деятельности.

В конце концов они расстались друзьями как с Таем, так и с Райверсом.

– Ох и умен же этот малый! – с сожалением заметил Тай.

– Он своего добьется! – подтвердил Райверс. – Я в жизни не встречал такого способного молодого человека.

Глава VIII

Мир рисовался Каупервуду в розовых тонах. Он был влюблен, и у него были деньги, чтобы начать собственное дело. Под свои акции конных железных дорог, непрерывно поднимавшиеся в цене, он мог получить семьдесят процентов их курсовой стоимости. В случае надобности мог еще заложить земельные участки и таким образом раздобыть солидную сумму. У него существовала налаженная связь с Джирардским банком – Фрэнк нравился директору, мистеру Дэвисону, и рассчитывал, что тот со временем предоставит ему кредит. Оставалось только поместить капитал так, чтобы он поддавался быстрой и безубыточной реализации. По мнению Фрэнка, отличную прибыль сулили все разветвлявшиеся линии конки.

К этому времени Фрэнк приобрел лошадь и коляску, самые элегантные, какие только можно было сыскать – затея эта обошлась ему в пятьсот долларов, – и пригласил миссис Сэмпл покататься с ним. Та сперва отказалась, но потом уступила. Он поведал ей о своих удачах, планах, о пятнадцати тысячах долларов, как с неба свалившихся на него, и, наконец, о своем намерении заняться учетно-вексельным делом. Миссис Сэмпл знала, что его отца в будущем ждал пост вице-директора Третьего национального банка, к тому же Каупервуды вообще нравились ей. Она уже начала пони-

мать, что отношение Фрэнка к ней нельзя назвать просто дружбой. Недавний мальчик стал мужчиной, и ее влекло к нему. Это казалось ей почти смешным. Она старше его, вдова, живет тихой, уединенной жизнью. Но упрямая, спокойная решительность этого юноши красноречивей слов свидетельствовала, что его не остановят никакие условности.

Каупервуд не обманывал себя и не идеализировал своего отношения к ней. Красивая Лилиан духовно и физически неодолимо влекла его – больше он ничего знать не знал. Ни одной другой женщине не удавалось так приковать его к себе. При этом ему и в голову не приходило, что теперь он не может или не должен интересоваться другими женщинами. Болтовня о святости домашнего очага всегда отскакивала от него, как горох от стены. На деньги миссис Сэмпл он не зарился, но, зная, что у нее есть собственный капитал, был уверен, что сумеет с пользой для нее же пустить деньги в оборот. Он жаждал обладать ею и уже с любопытством думал о детях, которые у них будут. Как хотелось ему знать, сумеет ли он заставить ее беззаветно полюбить его, удастся ли ему изгнать из ее памяти воспоминания о прежней жизни. Странное честолюбие! Можно было бы даже сказать – странная извращенность.

Невзирая на все свои страхи и сомнения, Лилиан Сэмпл принимала ухаживанья и заботы Фрэнка, ибо тоже невольно тянулась к нему. Однажды ночью, ложась спать, она подошла к туалетному столику и внимательно оглядела в зеркало

свое лицо, свои обнаженные плечи и руки. Как она хороша! Необъяснимое волнение охватило ее, когда она разглядывала свои длинные пепельные волосы. Она подумала о молодом Каупервуде, но перед ее глазами тотчас возник образ покойного мистера Сэмпла, она похолодела и тут же вспыхнула от стыда, представив себе, какую бурю общественного негодования это может вызвать.

– Почему вы так часто приходите ко мне? – спросила она, когда на следующий вечер Фрэнк зашел к ней.

– Разве вы сами не знаете? – проговорил он, все, казалось, объясняя ей своим взглядом.

– Нет!

– Правда не знаете?

– Как вам сказать... Я знаю, что вы были расположены к мистеру Сэмплу и ко мне, как к его жене. Но мистера Сэмпла больше нет.

– Зато есть вы, – отвечал он.

– Я?

– Да. И вы мне нравитесь. Мне хорошо с вами. А вы разве не чувствуете того же?

– Право, я никогда об этом не думала. Вы гораздо моложе меня. Ведь между нами разница в пять лет.

– В годах, – произнес Фрэнк, – а это не имеет значения. Во всем остальном я старше вас лет на пятнадцать. Я знаю жизнь лучше, чем вы когда-либо будете ее знать. Да вы и сами в этом не сомневаетесь, – добавил он мягким, убеждаю-

щим тоном.

– Да, это верно. Но зато и я знаю многое, чего не знаете вы. Она тихо засмеялась, обнажив свои прекрасные зубы.

Уже стемнело. Они сидели на веранде. Река внизу тихо катила свои воды.

– Возможно, – сказал Фрэнк, – потому что вы женщина. Мужчина никогда не может стать на точку зрения женщины. А я говорил о практической стороне жизни, в этом смысле я старше вас.

– Ну и что же?

– Ничего. Вы спросили, зачем я прихожу к вам, вот я и объяснил. Лишь отчасти, конечно.

Он умолк и стал смотреть на реку.

Миссис Сэмпл подняла глаза на гостя. Его красивая фигура, с годами становившаяся все более плотной, была теперь как у вполне зрелого мужчины. Непроницаемый взгляд больших ясных глаз придавал его лицу какое-то ребяческое выражение. О том, что таилось в их глубине, она не догадывалась. Щеки у него были румяные, руки небольшие, но мускулистые и сильные. Ее нежное, хрупкое тело даже на расстоянии впитывало в себя исходящую от него энергию.

– Мне кажется, вам не следует так часто бывать у меня. Люди могут заподозрить нехорошее.

Она решила взять с ним любезно-сдержанный тон почтенной женщины, тон, которого придерживалась в начале их знакомства.

– Люди? – повторил он. – Не тревожьтесь об этом. Люди думают о нас то, что мы хотим им внушить. Мне неприятно, что вы так сухо говорите со мной.

– Почему?

– Потому что я люблю вас.

– Но вы не должны любить меня. Это нехорошо. Я ведь не могу выйти за вас замуж. Вы так молоды, а я уже стара.

– Полноте! – решительно произнес Фрэнк. – Что за вздор! Я хочу, чтобы вы были моей женой. И вы это знаете. Лучше скажите, когда мы поженимся?

– Ну что вы говорите? – воскликнула она. – В жизни ничего подобного не слыхала. Этому не бывать.

– Почему? – спросил он.

– Потому, что... потому, что я старше вас. Это всем показалось бы странным. И я так недавно овдовела.

– Ах, недавно или давно – какое это имеет значение! – раздраженно отозвался Фрэнк. – Единственное, что мне в вас не нравится, это ваше вечное: «Что скажут люди». Люди не строят вашу жизнь. А уж мою и подавно. Прежде всего думайте о себе. Вы сами должны устраивать свою жизнь. Неужели вы допустите, чтобы между вами и вашим желанием становилось то, что подумают другие.

– Но у меня нет этого желания, – с улыбкой перебила его Лилиан.

Фрэнк встал, приблизился к ней и заглянул ей в глаза.

– Ну и что? – взволнованно и слегка насмешливо спросила

она.

Он продолжал смотреть на нее.

— Ну и что же? — повторила она, все больше теряясь.

Он наклонился, желая обнять ее, но она встала.

— Нет, не приближайтесь ко мне! — умоляюще заговорила Лилиан. — Я сейчас уйду в комнаты и больше на порог вас не пушу. Это ужасно! Вы с ума сошли! Оставьте меня в покое.

Она проявила такую решительность, что Фрэнк покорился. Но только на этот вечер. Он приходил опять и опять. И однажды, когда комары загнали их в комнаты и миссис Сэмпл снова начала настаивать, чтобы он прекратил свои посещения, уверяя, что его внимание к ней всем бросается в глаза и она будет опозорена, Фрэнк, невзирая на ее отчаянное сопротивление, решительно заключил ее в объятия.

— Что вы, что вы! Перестаньте! — восклицала она. — Я ведь вам говорила! Это же глупо, наконец! Не смейте меня целовать! О-о-о!

Она вырвалась и побежала по лестнице к себе в спальню. Каупервуд быстро последовал за ней. Когда миссис Сэмпл хотела было захлопнуть дверь, он силою отворил ее, снова схватил молодую женщину в объятия и приподнял в воздухе.

— Как вы смеете! — закричала она. — Да я вас больше знать не хочу. Если вы сию же минуту не отпустите меня, ноги вашей здесь больше не будет. Пустите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.